

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

МИЛИЦЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

МЕНТЫ С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Милицейская академия

Михаил Серегин

Менты с большой дороги

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Менты с большой дороги / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Милицейская академия)

Наши бывалые курсанты не дадут в обиду никого, в том числе и пенсионеров! На сей раз им необходимо выяснить, какая нечисть ворует их деньги и документы. Не подозревали ребята, что идея внедриться в среду старичков окажется не такой уж удачной, а сами старички - далеко не божьи одуванчики...

Содержание

1	6
2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Серегин

Менты с большой дороги

Элегантная черная «Волга», сверкая намытыми боками, вкатила в небольшой городок, похожий на многие другие населенные пункты российской глубинки, протянув за собой шлейф пыли на добрый километр. В машине сидели трое. Во-первых, там находился водитель, что само по себе немаловажно, но особого внимания не привлекает. О нем можно было бы сказать несколько слов, однако не хочется. Рядом с ним, на переднем сиденье, расположился полный, но в меру, гражданин, наружностью здорово смахивающий на Чубайса и Зюганова, вместе взятых. Одного взгляда, брошенного на неизвестного, достаточно было, чтобы понять – этот человек занимает высокую должность. Однако не напыщен, как многие «новые русские», а напротив, по-деревенски прост и мужиковат до такой степени, что может быть любим основной массой электората, послушно бросающей бюллетени со своими голосами в урну. Видимо, чтобы напоследок, перед смертью, навредить всем вокруг. Имеются в виду вечно недовольные пенсионеры. И наконец, пригнувшись на заднем сиденье, бледный и ничем не примечательный мужчина зорко следил за меняющейся местностью за окном. Он был настолько зауряден и неинтересен, что терялся даже в той небольшой компании, которая удостоила гостеприимный Зююкинск своим посещением.

Несмотря на ранний час, «Волгу» встречали, что уже было неожиданно. Возбужденный народ приветственно помахивал ручками и старательно выставлял напоказ собственноручно и с любовью написанные плакаты. «Да здравствует НОС», «Носовцы всегда впереди» и «Избавим Россию от насморка бесхозяйственности», – гласили они. А люди, в свою очередь, голосили. По большей части то, что прямо на плакатах и прочитали. Представительницы женского пола уверенно, с вызовом, но в то же время слегка кокетливо помахивали носовыми платочками, приветствуя своего кумира. Мужчины, как всегда, выказывали сдержанность, однако у многих из них в нагрудных карманах можно было наблюдать те же платочки, скомканные неумело, без изыска, поскольку в Зююкинске не было модно носить костюмы.

– Неплохо, – потер ручки солидный мужчина на переднем сиденье. Он радостно хихикнул и подмигнул тому, что был сзади.

Маленький недовольно сморщил лоб и пробурчал:

– Поприветствуй их, – а потом тише добавил: – идиот.

Большой человек согласно кивнул и, с трудом протиснув в боковое окно голову вместе с рукой, методично, но оживленно замахал ею из стороны в сторону. Народу это понравилось. Ожидавшие неподалеку милицейские «Жигули» завелись и пристроились позади «Волги». Городские власти с радостью отослали бы в эскорт машины посолиднее, но таковых просто не нашлось. Не отбирать же у мэра его кровное средство передвижения. А братки не дадут.

Однако приезжие не обиделись. Напротив, их это порадовало, поскольку на фоне родной вазовской продукции даже «Волга» выглядела эффектно. Электорат зааплодировал, с восторгом проводив взглядом пронесшиеся мимо машины. Столб пыли, с избытком наблюдавшейся в славном Зююкинске, густым туманом взвился над головами счастливых горожан и медленно стал оседать погонами на их плечи, заставляя людей морщиться и чихать. В тихом, неприметном местечке наконец-то случилось событие. И это радовало.

1

Национальное российское заболевание – похмелье, как всегда подкралось незаметно. Кто бы мог подумать, что такое случится с утра?

Солнце вот уже около получаса изо всех сил издевалось над помятыми лицами курсантов третьего курса Высшей школы милиции, а им хоть бы хны! Результата никакого, солнечные лучи только комаров распугали, обдышавшихся перегаром и летающих по такому случаю витиевато, загогулинами. Молодецкий храп с вызовом нарушал тишину раннего утра, нисколько не обращая внимания на солнечные потоги.

Кулапудов спал беспокойно, ворочался и постоянно старался нащупать на кровати кого-то второго. Узкая кровать неожиданно кончалась, и рука неизменно срывалась вниз, заставляя Веньку вздрагивать всем телом и навевая кошмарные сны. Антон Утконесов бессовестно перепутал свое ложе с постелью брата, и теперь два совершенно одинаковых лица, мирно посапывавших рядом, вводили в заблуждение случайного зрителя: где Антон, а где Андрей? Леха облизывал пересохшие губы, видя странный сон, будто в его родной Дрыщевке наступила великая засуха. Причем председатель товарищества, перед тем как выдать положенный центнер комбикорма, заставлял Леху съесть какую-то гадость, от которой во рту оставался незабываемый отвратительнейший вкус. Федя, повесив свои черные пятки на спинку кровати (иначе огромное тело не умещалось на стандартной постели), вялой рукой смахивал пот и остатки зеленки – немое напоминание о недавней болезни.

Но пора бы уже познакомить читателя с основными обитателями академии, наблюдая за ними со стороны и пользуясь тем, что они сейчас имеют возможность вести себя свободно, не сдерживаясь перед довлеющим Уставом. Личности в отряде Мочилова собрались очень интересные, колоритные. Будет еще немало возможностей убедиться в этом на их конкретных поступках.

Вот, например, тот самый Федька Ганга, вокруг которого зачастую крутятся остальные курсанты. Они делают это всегда при наступлении в их совместной жизни ответственных и непростых моментов, когда нужно срочно держать совет. Федя очень удобен для ориентирования: его двухметровая фигура с широченными плечами помогает ребятам собраться с мыслями и успокоиться. Есть и еще одно обстоятельство, которое выделяет Федора из основной массы курсантов. Дело в том, что он... прямой потомок мавров. Да-да, тех самых, чей представитель с упоением задушил свою любимую в одном классическом произведении. Но в отличие от него, Феденька Ганга оказался добрейшим человеком. Он с удовольствием демонстрирует ребятам свою недюжинную силушку, перерубая ребром ладони кирпичи, смеха ради сгибает в подкову металлическую трубу, но никогда и ни при каких обстоятельствах не позволяет себе пользоваться природными данными в корыстных целях, как говорится, для получения личной выгоды.

Свое происхождение Федя никогда не скрывал от коллектива. Любопытно, что в ответ на свой вопрос узнавал, что курсант Ганга представляет собой плод страсти и любви российской женщины и студента международного университета имени Патриса Лумумбы. Отсюда и необычная для российского уха фамилия. Фебина мама не воодушевилась перспективой отправиться на родину его папы в африканское поселение Ням-Амнию. Наверное, ее слегка напугало название. В общем, сына она вырастила самостоятельно и сумела сделать из него настоящего человека.

Вниманием уже был отмечен и курсант Кулапудов, человек крайне серьезный и обстоятельный. Кто бы мог подумать несколько лет назад, что он станет таковым! В недалеком прошлом Венька Кулапудов являлся злостным хулиганом и имел соответственный вид. Такой, что завидев его вечером на горизонте, запоздалые путники судорожно искали укрытие. Так бы и

стал Вениамин почетным бандитом. В милиции, кстати, не сомневались в таком исходе событий, а особо дальновидные собирались даже писать по нему диссертацию. Однако судьба распорядилась иначе. Взял гражданин Кулапудов да исправился. В доказательство исправления даже в школу милиции поступил, чем нанес незаживающую рану своим прежним друзьям. А причиной тому было... хотя нет, это уже совсем другая история.

На горных высях, втором ярусе двухэтажной кровати, расположился Леха Пешкодралов, колоритная личность, которая с легкостью может найти общий язык с домашними парнокопытными, но в общении с людьми, особенно противоположного пола, страшно смущается. Это типичный деревенский житель, знаменитый среди однокашников тем, что шел из села в академию на своих двоих, поскольку денег на билет, как и теперь, у него не было. Леха простой парень, закаленный в нечеловеческих условиях российской глубинки, с удовольствием живет в казарме. Особенно радуется тому факту, что можно валяться в постели аж до шести утра(!), чем он теперь и занимается.

Если спуститься с заоблачных высот и перевести взгляд чуть ниже, можно заметить ослепительную улыбку, и во сне дежурно натянутую на лицо Саньки Зубоскалина по кличке Дирол. Даже сейчас нетрудно понять, что это тот самый коварный тип гражданской наружности, который целенаправленно затевает основную часть приколов. Его отличительная черта – широченная улыбка не исчезает практически никогда, как и хорошее настроение. Зубоскалин постоянно подвергается нападкам капитана Мочилова, курирующего в школе милиции третий курс, но из схваток Дирол неизменно выходит победителем.

И наконец близнецы Антон и Андрей Утконесовы, чудом умещающиеся вместе на узкой полуторке. Ближайшие соратники Зубоскалина, которые с удовольствием воплощают его идеи в жизнь. Их схожесть часто становится причиной всевозможных казусов, шуток и инфарктов миокарда, в которых особенно широко участвуют начинающие преподаватели.

Пожалуй, перечислены все обитатели комнаты, в которой уютно разместилась убойная группа, немногочисленная составом, но крайне эффективная в борьбе с преступностью, что на днях и показала, поймав и обезвредив особо опасных преступников, дурковедов, аферистов и просто нехороших людей.

Итак, утро началось традиционно – неожиданным похмельем. Бурное веселье, навеянное удачно завершившимся накануне делом, плавно переросло в массовое опьянение. Эта тяжелая болезнь буквально свалила с ног крепких парней ближе к утру, отчего они теперь в «трупном» состоянии из последних сил отмахивались от назойливого звона над головой, называемого побудкой. Продрать глаза было сложно, но необходимо.

Первым вышел из полуобморочного состояния Санек. Он рывком сел в постели, традиционно впечатавшись лбом в верхнюю кровать, отчего Пешкодралова подбросило на месте. Заплывшие глаза его удивленно распахнулись, хоть это и сложно было сделать после бессонной ночи, а улыбка медленно сползла с лица.

– Где Мочила? – все еще сонным голосом произнес он, с трудом возвращаясь из мира сновидений в реальность.

Он обвел взглядом комнату. Утро. Побудка. Мочилы нет. Хотя, по всем приметам, должен быть, поскольку Мочила всегда самолично приходит будить своих подопечных. Прикол у него такой, с утра всем настроение портить своим видом.

Капитан Мочиллов мужик ничего, свойский, только уж больно сильно радеет за свой курс. У него просто помешательство на том, чтобы сделать вверенных ему курсантов лучшими во всей школе. Это дисциплинирует, но порой сильно напрягает. А если учесть еще и полнейшее отсутствие у капитана чувства юмора, то становится понятным, как тяжело иногда приходится нашим героям. Так, например, каждое утро Мочиллов совершенно несмешно зычным голосом поднимает всех с постели и любезно предоставляет возможность одеться, заправить кровати

и выстроиться в шеренгу в течение одной минуты. Возможно, он в этом и видит что-нибудь веселое, но только не курсанты.

И вот в это утро капитан Мочиллов Глеб Ефимович совершенно незапланированно пропал, не удостоив своих любимцев личным посещением. Возглас Зубоскалина, вопрошающий о местонахождении капитана, сделал невозможное – поднял остальных курсантов на ноги. Босые ноги на холодном кафельном полу активно переминались, не соглашаясь просто так мерзнуть. И все-таки ребята не спешили одеваться. Озадаченные, они, повинуясь давно выработанному условному рефлексу, собрались вокруг высокого Ганги и призадумались.

Леха Пешкодралов с усердием почесывал затылок. Это обычно стимулировало его мыслительный процесс. Сегодня же мысль никаким образом не хотела стимулироваться, как Леха ни напрягался. Санек со скрытой надеждой переводил взгляд с Утконесова Антона на Утконесова Андрея, стараясь почему-то именно в их лицах найти разгадку странного происшествия. Однако лица братьев показывали одно и то же – недоумение.

– Мочила мог за свой счет взять, – неуверенно предположил Федя.

– С его трудоголизмом исключено, – сразу же отмел эту версию Кулапудов. – Он очередной-то отпуск несколько лет уже не берет.

Венька Кулапудов всегда отличался умением здраво размышлять, потому сокурсники верили ему безоговорочно. Вот и теперь они поступили так же, то есть поверили.

– Что же тогда? Иностранцы шпионы похитили, – родил мысль Леха.

– Тоже маловероятно.

Лица у всех присутствующих стали пасмурными, как осеннее небо перед дождем.

– Без паники, не стоит раньше времени терять голову, – рассудительно говорил Кулапудов, прохаживаясь вокруг Феди, что, с одной стороны, Гангу нервировало, а с другой – помогало думать. Казалось, Веня – единственный человек в этой комнате, который сохранил спокойствие и мог здраво рассуждать.

– Без сомнения, событие неординарное заставило Мочиллу не прийти сегодня к нам, – тоном заправского следователя вслух размышлял Кулапудов. – Нам необходимо покинуть комнату и попробовать найти свидетелей исчезновения капитана или по крайней мере следы возможного преступления.

Ребята молча согласились. Что ни говори, а Венька – голова. Так просто вышел из создавшегося затруднительного положения. Курсанты с некоторой опаской выглянули из комнаты в длинный коридор. На данный момент ничего подозрительного там не наблюдалось. Все как всегда: утренняя суета проснувшихся учащихся школы милиции, четко распланированная беготня, которая встречается только в заведениях, где дисциплина превыше всего. Но в этой обыденности чувствовался запах совершенного преступления. Уж слишком все было спокойно.

Вереницей, построившись по росту и равняясь на Гангу, подопечные капитана Мочилова направились через коридор к выходу. Одновременно Кулапудов старался не терять времени зря и, осматривая местность, подбирал все то, что смогло бы сойти за вещественные доказательства. Когда они дошли до лестницы, в Венькином арсенале находилось около двадцати штук бычков, одна оторванная пуговица с клочком ткани защитного цвета и губная помада светло-розовая, тон 10, «Kiki», по непонятной, а оттого подозрительной, причине оказавшаяся в мужской половине общежития. Все это аккуратненько было сложено в пакет и спрятано за пазуху, ближе к сердцу.

– Куда дальше? – остановил процессию идущий впереди Федя.

– Неплохо было бы разноухать что-нибудь у кафедры, – предложил Дирол. – Там Глеб Ефимович часто ошивается.

– Согласен, – кивнул Венька. – Расходимся по одному и, не привлекая всеобщего внимания, прогулочным шагом, с разных сторон подходим к кафедре криминалистики. Встречаемся все у ее дверей. Далее действуем по обстоятельствам.

Мгновенно посуровевшие курсанты, почувствовавшие на себе бремя ответственности за намечающееся раскрытие преступления, без лишних слов, как подобает настоящим мужчинам, кивнули и молча разошлись. Напускная беспечность отразилась на их лицах, а прогулочный шаг мог кого угодно ввести в заблуждение и убедить в том, что заострять внимание на парнях не следует. Однако дело обстояло иначе. Снующие туда-сюда по лестнице курсанты других специализаций, завидев кого-либо из команды Кулапудова, останавливались, провожая его взглядами, причем некоторые из посторонних удивленно приподнимали брови или открывали рот (кому как было удобнее). Возможно, они каким-то седьмым чувством догадывались, что третий курс что-то замышляет. Может быть, их удивляло то обстоятельство, что парни, застигнутые врасплох бедой, впопыхах забыли одеться, отчего и разгуливали сейчас по закоулкам общежития в трусах и в майках.

Выйдя во двор, ребята рассредоточились. Венька не спеша подошел к главному входу школы милиции, огляделся и быстренько юркнул в него. Вахтерша, милая и подслеповатая баба Нюра, всегда с трепетом охранявшая входную дверь от лиц посторонних и подозрительных, буквально грудью встававшая перед нарушителями священной границы, которая отделяет храм знаний от остального города, увидев не вполне одетого мужчину, покрылась толстым слоем красной краски и, забыв сказать свое коронное «Фамилия ваша какая», осталась стоять с открытым ртом. Неразлучная пара Утконесовых, плотно держась друг дружки и стараясь слиться в единое целое, чтобы не мозолить глаза своей похожестью, по перешейку штурмовали черный ход, затесавшись среди спешащих в умывалку студентов.

Санек Зубоскалин выбрал путь через кухню. Тяжелая обитая железом дверь, в которую грузчик Федя все время подавал поварихе тете Клаве продукты, пахнувшие то подгнившей капустой, то соевым мясом, и сообщавшая всем интересующимся: «Посторонним вход воспрещен», – для любого курсанта Высшей школы милиции являлась неприступной крепостью, за которую никому не позволено было заходить. Но только не Диролу. Осторожно приоткрыв дверь, Санек всунул голову в образовавшуюся щель и нащупал глазами сдобный круп тети Клавы. Женщина с воодушевлением месила тесто, напевая незамысловатый мотив, и ничего вокруг не замечала. Парень выпрямился стрункой и боком втянулся внутрь помещения. Дверь скрипнула.

– А? – поинтересовалась повариха, поворачивая широкое, с расплывчатыми чертами лицо в сторону Санька.

В этом незамысловатом вопросе звучало не все, но многое. Например, то, что тетю Клаву отвлекли от интересного и крайне важного дела, и это ее нервировало и раздражало. К тому же в низких нотах голоса звучало недоумение – неужели Федя опять наберется наглости и начнет требовать три рубля на опохмелку? Однако наличие в дверном проеме курсанта внесло в короткий возглас еще и растерянность, граничащую с оторопелостью.

Сердце зашло, и измазанная в тесте пухлая женская рука прижалась к еще привлекательной, держащей заманчивую форму груди. Вязкая капля, медленно растягиваясь, лениво упала на кафель с многозначительным звуком: «Чмок!» Женщина нерешительно улыбнулась. Перед глазами ненавязчиво всплыл и зафиксировался дорогой сердцу образ, немного насмешливо улыбающийся в роскошные усы, с лучиками-морщинками в уголках глаз, делающими облик Агафона близким и словно живым.

Ах, Клавина первая и самая большая любовь Агафон! Какой он был необыкновенный, замечательный, просто герой. Веселый такой. И точь-в-точь как вот этот молоденький, еще зеленый курсант, но уже с той заманчивой искоркой в глазах, которая может заставить любую женщину потерять голову и заплыть неизлечимой любовной лихорадкой. Черт, как он Клаве

напоминает Агафона! Разве что без усов. Если бы ее сын был так похож на милого сердцу мужчину. А то точная копия вялого и безынтересного Николая. Обидно.

– Тетя Клава, мне бы в школу пробраться. Я пройду здесь? – заговорщическим голосом спросил Санек.

О том, что женщина млеет при виде его, Зубоскалин знал уже давно. О причине не догадывался и, честно говоря, догадываться не хотел. Ему достаточно было только того, что повариха не отказывала Диролу ни в одной его просьбе. Иметь на кухне блат было удобно и Санек немного наглел, без стеснения используя слабость огромной, но в то же время хрупкой женщины.

– Зачем? – удивилась тетя Клава.

– Садюкину норматив один не сдал, – соврал Санек. – Он теперь везде ходит и вылавливает меня. Штрафные километры, говорит, будешь бегать, – вздохнул Дирол. – А я что-то плохо себя чувствую.

Повариха почувствовала, как сердце быстрее стало биться. Ее любимец нездоров и преследуем самым требовательным преподавателем во всей школе. Слеза жалости увлажнила левый глаз женщины и, на мгновение смазав все очертания, быстро сбежала вниз. Правый хоть тоже выражал сочувствие, но оказался более сдержанным и слабости себе не позволил. Тетя Клава неловко махнула рукой в сторону выхода из кухни в столовую и пролепетала:

– Беги, мой мальчик. Беги.

Зубоскалину только этого и надо было. В срочном порядке поблагодарив женщину и отвесив ей дежурный комплимент, Санек, лавируя между разделочными столами и плитой, выскочил в столовую. Там было еще пусто, а потому можно было незамеченным проскочить в общий коридор. Тетя Клава проводила любимца сочувствующим взглядом и вздохнула:

– Прямо с постели горемычного поднял, изверг в велосипедках. Вон и одеться парень толком не успел.

* * *

Оставался один вход, которому не уделили еще внимания представители убойной группы третьего курса. Этот вход вел через спортивный зал в сердце школы милиции, где и располагалась конечная цель всей операции. Федя могуче выкатил грудь, готовясь к трудному штурму, и осмотрелся. Прямо напротив спортзала, на площадке, весело поросшей зеленой травкой, тренер Садюкин изощренно издевался над первокурсниками. Он заставлял их по-пластунски преодолевать полосу препятствий от края площадки до входной двери. Само упражнение не включало в себя ничего сложного, если не учитывать одно «но». На спине каждого ползущего для какой-то надобности располагался рюкзак, под завязку набитый чем-то гремящим и, судя по измученным лицам первокурсников, тяжелым. Огромные рюкзаки неизменно цеплялись за низкие железные перекладины, замедляя тем самым движение. Весенний день выдался, как назло, погожим. Воздух не шевелил даже легкий намек ветерка. Пот с сосредоточенно сморщенных лбов парней обильно орошал молодую веселенькую зелень, словно в насмешку радостно тянущуюся вверх, к голубому небу. Чуть в сторонке, шеренгой, построившись по росту, переминались с ноги на ногу те, кому предстояло еще узнать, как это здорово, ползать по двору с рюкзаком на плечах.

План действий моментально возник и детально проработался в голове Федора Ганги. Прячась от взора увлеченного садистскими пытками Фрола Петровича, Федя короткими перебежками от дерева к дереву приблизился к шеренге первокурсников, затаился среди чинного ряда ровно постриженных кустов и тихонько позвал:

– Эй!

С тоской посматривавший на своих друзей низенький лопухий курсант, благодаря своему росту стоявший последним, услышал и повернулся.

– Давай сюда, – махнул рукой Ганга.

Курсант с опаской взглянул на тренера, нерешительно переступил с ноги на ногу. Садюкин – преподаватель серьезный, прятаться по кустам от него может оказаться непростительной ошибкой. С другой стороны, тот черный парень в трусах габаритов не маленьких, к тому же (курсант уже успел заметить) из стареньких. Кто знает, вдруг в этой школе, как в армии, дедовщина процветает. Все-таки заведение серьезное, не какой-нибудь гуманитарный вуз, где хлюпиков воспитывают. Если к старичку в немилость попасть, можно на весь оставшийся срок обучения со спокойствием распрощаться.

Взвесив в голове все за и против, первокурсник выбрал из двух зол меньшее и нырнул в кусты.

– Как зовут? – поинтересовался Ганга.

– Олег.

– Вещий, значит.

– Нет, другой, – искренне признался парень, так, на всякий случай, чтобы за чужие ошибки не влетело.

– Слушай, другой Олег, расклад такой. Мне позарез нужен твой рюкзак. Во временное пользование.

Испарина тонким слоем покрыла веснушчатое лицо первокурсника. Казенный рюкзак надо сдавать дяде Сане на склад. Впарить дотошному кладовщику версию о том, как рюкзак потерялся, вряд ли удастся. Выходит, ему, Олегу, либо придется держать ответ перед дядей Саней, либо отказывать старику, что приведет к известным последствиям. Олег с трудом проглотил слюну, комком прошедшую по пищеводу и тяжело упавшую в недра желудка.

– Не бойся, верну в целости и сохранности, – поняв терзания первокурсника, заверил Ганга.

Делать несчастному курсанту было нечего.

Спустя несколько минут Федор Ганга, в трусах, майке и с рюкзаком за плечами, стоял в самом хвосте шеренги, выглядывая из-за спин первокурсников как пожарная каланча из-за приземистых деревянных домиков частного сектора. За его спиной красноречиво шевелились кусты, сквозь листву которых тревожно проглядывали светло-голубые, с белесыми ресницами, глаза. Подмена была налицо. Чтобы не привлекать к себе внимания, Федя заранее тяжело плюхнулся на молодую травку и пополз, эротично поваливая полуодетыми бедрами.

Фрол Петрович зорко следил за пересекавшими финишную прямую курсантами, хищно и несколько загадочно улыбаясь одному ему ведомым мыслям. Возможно, в коротко остриженной его голове, привыкшей придумывать штучки, от которых у курсантов волосы встают дыбом, зарождались новые идеи, называемые физическими упражнениями. Может быть, он вспоминал прошедшую ночь и необыкновенно красивую в новом белье (купленном с его, между прочим, полочки) Наташу. Как бы там ни было, но настроение было на высоте. Неприличные мысли так и старались пробиться в садюкинское сознание, путая мысли и заставляя мечтать. Фрол Петрович под давлением этих мечтаний совсем уже почти решил со следующей зарплаты сходить с Наташей в магазин и купить ей новое платье. Секонд-хенд, например, для этого неплохо подошел бы. Однако его приятные мысли беспардонно прервали.

Стройная вереница первокурсников, ужами ползающих по траве, чинно, по установленным тренером правилам, совсем почти подошла к своему логическому финишу, когда незначительная деталь насторожила Фрола Петровича. В том самом месте, где, по расчетам Садюкина, должен был преодолевать препятствия шуплый и тщедушный Шнурков Олег, шустро продвигался вперед, несколько смещаясь к входу в здание, полуодетый парень, габаритами

резко отличавшийся от упомянутого курсанта. Более того, если верить глазам, за последние несколько секунд Шнурков успел сильно загореть. Просто до неузнаваемости.

– Курсант Ганга, – окликнул Садюкин, строго сдвинув брови у переносицы, отчего все мечты о законной жене мгновенно улетучились. – Курсант Ганга, как прикажете это понимать? Федя поднял голову и безнадежно вздохнул. Проскочить не получилось.

– Следую вашему приказу и преодолеваю полосу препятствия, – как ни в чем не бывало отрапортовал Федя, решив до конца не признаваться в подмене.

От такого наглого обмана тренер в попытке возмутиться захлебнулся воздухом и покраснел.

– Вам лично, курсант, я ничего не приказывал! – непроизвольно повышая голос, выкрикнул Фрол Петрович. – Здесь проходят занятия с первым курсом!

– А... а... я решил размяться, – нашелся Федя.

Он для большей убедительности вскочил на ноги, подпрыгнул пару раз, присел, вытянув руки вперед, упал, отжался. Хотел было перекувыркнуться через голову, но в последний момент передумал. Рюкзак жалобно звякнул содержимым, склоняя Садюкина к сочувствию.

– Люблю с утра пораньше заниматься физическими упражнениями. Это так тонизирует и помогает поддерживать форму, – тяжело дыша, сознался Ганга.

Фрол Петрович растрогался и прослезился. Такой усердный подопечный ему встретился в первый раз за все двадцать лет преподавательской деятельности. Найти в лице студента своего единомышленника оказалось приятным. Тренер неуклюже отмахнулся рукой от нахлынувших сентиментальных чувств и трогательно положил ладонь на широкое плечо Феде.

– Я знаю такой тонизирующий комплекс упражнений, – мечтательно произнес он, блеснув глазами.

Этот блеск насторожил Федора, но отступать было уже поздно.

– Для начала, – развернул Гангу Садюкин в обратную от спасительной двери сторону, – разомнем кисти рук. Видишь тот турник?

Ганга выдавил мученическую улыбку, которая означала положительный ответ. Он понял, что попал.

* * *

Леха Пешкодралов растерянно проводил взглядом своих друзей. Легко сказать – рассредоточиться и по одному проникнуть в здание школы милиции. Но как, скажите, можно выполнить приказ командира, когда дверей на каждого не хватает? В душе он немного завидовал одноклассникам, успевшим раньше его забить все входы. Но Леха успокаивал себя тем, что настоящий следователь должен научиться выходить из самых затруднительных ситуаций, даже из тех, которые на первый взгляд кажутся безвыходными. И вот теперь ему предоставлялся один из таких случаев, преодолев который Леха по праву сможет считать себя мастером своего дела.

Да, ребята выбрали легкие пути решения проблемы и направились к назначенному пункту через всем доступные входы. Но кто сказал, что проникнуть в здание можно только через дверь?

Пешкодралов внимательно изучил фасад школы взглядом и, прицокнув языком, сказал: «Да-а». Это «да» могло означать только одно: окна первого этажа зарешечены; до второго не добраться, поскольку на гладких кирпичных стенах не наблюдается ни козырька, ни выступа; пожарная лестница на ближайшие несколько часов к использованию не годится, потому как от нее доносится крепкий запах масляной краски, а сама она сияет девственно-белым, с отблесками лучей, цветом. То есть путь снизу был отрезан полностью. Но оставалась еще крыша, железная, чуть покатая, неприятного грязно-красного цвета.

Совсем недалеко от Высшей школы милиции вздымалась ввысь многоэтажка, не относящаяся ни к одному из ведомств. Абсолютно гражданские лица жили в ней. Некоторые из них были женского пола и причем очень даже симпатичные. Подняться по лестнице обшарпанного темного подъезда не составит Лехе никакого труда. А там уже дело за малым. Широкие, кирпичные лоджии чуть ли не нависают над вожделенной крышей. Достаточно пробраться на них и... Только вот как пробраться?

Не вдаваясь в подробности всплывшего в голове плана и не прорабатывая его детально, Пешкодралов с ходу взял четвертую скорость, выбежав из двора учебного заведения, и направил стопы свои к вышеозначенному зданию. Около каждого подъезда этого дома, неизменно и привычно любому обывателю, сидели гражданки преклонного возраста и что-то живо обсуждали. Вид полудетого мужчины насторожил их, родив в прикрытых платочками головках неограниченное количество тем для обсуждения.

– Опять к Зинаиде полюбовничек пожаловал, – убежденно поведала одна из них, провожая курсанта взглядом. – Смотри-кось, бежит как прытко. И разделся уж, чтобы скорее свое дело сделать.

– Видать, деловой, – подтвердила ее соседка, – вон как время экономит.

Леха почувствовал, как уши нестерпимо обжег стыд, заставив их раскалиться до красна. Однако задерживаться и объяснять истинную причину своего посещения жилого дома курсант не стал. Перепрыгивая через ступеньки, он в мгновение ока вознесся на пятый этаж и остановился, тяжело переводя дух. Выглянул в раскрытое окно подъезда. Не допрыгнуть. Школа милиции состояла всего лишь из четырех этажей. Покатая крыша возвышалась еще где-то на полэтажа. Взобрался Леха на высоту самую удобную, только вот вожделенная крыша располагалась далековато, немного в стороне. Вот если бы с балкона...

Леха услышал, как длинно и противно скрипнула дверь, медленно открываясь. Из нее вальяжно вышел гордый собственной значимостью абсолютно черный и абсолютно независимый кот.

– Только на пару минут, Мессир, – донесся из глубин квартиры приятный женский голос, пикантно растягивавший слова и произносивший некоторые звуки с еле заметным французским прононсом.

Дверь так же медленно закрылась, оставив животное на лестничной площадке. Мессир по-хозяйски обвел взглядом небольшое пространство вокруг, выгнув спину дугой и лениво потянулся, одновременно сладко и широко зевнув. Выпущенные когти неприятно царапнули давно немый бетон. Леха поморщился от неприятного звука и почувствовал, как по спине табуном пробежали мурашки. Сразу вспомнилось, что он не обут и что ноги давно уже замерзли.

Кот неспешно выпрямился, горделиво поднял голову, вытянув подбородок вверх, и с презрением посмотрел на курсанта. Лехе захотелось извиниться перед царственной особой за непрошенный визит. Мягко переступая лапами, Мессир прошел в угол, обнюхал его, покрутился на месте, словно примеряясь к чему-то, и совершенно бессовестно сделал кучу. Леха онемел от такой наглости. Презрительно махнув лапой в сторону явного следа преступления, животное отошло как ни в чем не бывало и требовательно провозгласило о желании вернуться в уютную квартиру. Дверь никто не открывал. Кот показал всем своим видом крайнюю степень возмущения и потребовал еще громче. Пешкодралов поморщился от невыносимого звука. Кот стал орать, в неистовстве царапая кожаную дверную обшивку.

Леха стоял и смотрел как завороженный на разыгравшуюся сцену. Предчувствие его слегка кольнуло, отчего в области сердца зачесалось. Парень поскреб ногтями грудь, что заставило кота обернуться. Зверь смотрел на человека с таким чувством превосходства, что человеку захотелось безропотно подчиниться его воле. Зачарованный, слушаясь безмолвного приказания кота, Леха подошел к квартире и позвонил. За дверью слышался шум падающей воды.

Видимо, хозяйка принимала душ, оттого и не слышала позывных своего любимца. Леха еще раз позвонил. Шум в квартире прекратился, через минуту щелкнул замок и дверь отворилась. Парень схватился за косяк, закрыв глаза, чтобы привести свои мысли в порядок.

Описать красоту хозяйки дома в простых словах нельзя было. На ум приходили только нецензурные выражения. Немолодая уже женщина с полотенцем на голове и в коротеньком полупрозрачном халатике, нисколько не скрывающем географию целлюлита на полнеющих ногах и степень опалости удлинённой от возраста груди, одной рукой игриво покручивала ручку замка.

– Мессир, глупышка, зачем ты привел этого мальчика к нам? – пожурила она кота, бросив многозначительный взгляд на Пешкодралова. Видимо, она уже решила для себя, зачем ей понадобится этот мальчик.

Абсолютно равнодушный к ее словам кот, повернувшись спиной к хозяйке, выставил трубой хвост, открыв утонченной женщине нелицеприятную часть тела, плюхнулся на пол, задрал заднюю лапу и нахально почесал за ухом. Хозяйку нисколько не обидело бескультурное поведение любимца. Она свободной рукой прикрыла излишне распахнувшийся вырез халата и окинула курсанта убийственно-оценивающим взглядом.

– Я... тут... – замялся Леха, мучительно соображая, как объяснить причину, по которой ему взбрело в голову потревожить женщину. Не говорить же, что кот его загипнотизировал.

В это время несносное животное, перестав чесать за ухом, встало и неспешно пошло по направлению к лестнице.

– Ах, ловите его! Он сейчас убежит, – вскричала хозяйка кота, нервно схватившись за чалму из полотенца, наверхенную на голове.

Леха послушно подался вперед. Кот и не пытался убежать или как-нибудь еще выказывать свое желание слиться в неизвестном направлении. По всем признакам он просто совершал променад. Но встревоженная хозяйка, казалось, этого не замечала. Нервно подрагивая губой, она упавшим голосом взмолилась:

– Прошу вас, не позволяйте ему меня покинуть!

Что оставалось делать Пешкодралову? С проворством тигра Леха налетел на животное, одним прыжком настигнув его, и вцепился мертвой хваткой в лоснящуюся шерсть. Кот дико взвыл, не соглашаясь со столь грубым посягательством на его неприкосновенную личность. Такого наглого нападения он не ожидал. Благородная кровь вскипела в жилах диванного любимца, и в нем проснулся зверь. Острые зубы вцепились в беспардонные руки, а когти изо всех сил им помогали. Парень взвыл и попробовал стряхнуть животное с руки, но не тут-то было. Хватка оказалась мертвой. Кот держался за Пешкодралова, как утопающий за работника службы спасения.

– Ради всего святого, не отпускайте его! – перекрикивая дикий вой любимца, просила женщина, заламывая руки. Брови ее, выщипанные практически до полного отсутствия и заново нарисованные ярким черным карандашом, взмыли высоко на лоб и трагически зависли под розовыми махрами полотенца. – Разлуку с Мессиром я не перенесу!

Просьбу удовлетворить было легче простого. Кот как приклеенный болтался на правой ладони Лехи, с остервенением вгрызаясь в человеческую плоть, словно это была какая-нибудь банальная сосиска. Похоже, ему понравилось вот так висеть и изводить своим поведением потенциального служителя порядка.

– Куда вам его стряхнуть? – завывающим голосом спросил Леха.

– Несите скорее домой. Мессир такой впечатлительный мальчик, он всегда нервничает, когда оказывается в незнакомой обстановке.

Хозяйка квартиры пошире распахнула дверь и слегка вжалась в грудку одежды, висевшей рядом на вешалке. Курсант пулей проскочил мимо. В привычных домашних условиях Мессир

продолжал нервничать не хуже, чем вне дома. Во всяком случае, челюсти его нисколько не ослабили хватку.

– Мальчик мой, вот ты и дома, – кружила вокруг Пешкодралова женщина, с мольбой заглядывая в зеленые злые глаза кота. – Иди скорее на свой пуфик.

«Мальчик» был в ударе, и никакие пуфики его не соблазняли. Он вошел во вкус, почувствовал кураж. Нить прозрачной слюны стекла на ковер и затерялась в его ворсе. Леха судорожно схватился за горло, осознавая, что если он сейчас не начнет действовать, то его банально съедят. Стало себя сентиментально жалко.

– У вас плоскогубцы есть? – с тоской взвыл Леха, обращаясь к хозяйке.

– Есть, – согласно кивнула она, – только я вам их не дам.

Парень озадаченно посмотрел на женщину. Даже кот, казалось, прислушался.

– Вы покалечите Мессира.

– Я буду деликатен и осторожен, – со злостью взревел Пешкодралов и в доказательство даже провел свободной рукой по противной гладкой кошачьей шерсти. Кот выпустил искры.

– Хорошо, – согласилась хозяйка и удалилась куда-то на кухню.

Боль, злость и желание отомстить переполняли кроткую пешкодраловскую душу, превращаясь в самые садистские мысли. Он угрожающе поднял отягченную грузом руку, на которой, прижав уши, висело животное, ставшее врагом номер один, и сквозь зубы процедил:

– А теперь мы с тобой побеседуем тет-а-тет.

И только Леха, сделав «козу» неизраненной рукой, хотел проверить из чего состоят эти притворные зеленые глазки, как кот, почуяв неладное, в мгновение ока оказался на большой диванной подушке и развалился на ней как ни в чем не бывало. Леха и глазом моргнуть не успел.

– То-то же, понял, кто в доме хозяин, – победоносно воскликнул Пешкодралов, непроизвольно задрал подбородок.

Кот недовольно заурчал и показал желтоватые клыки.

– Ах, ты еще огрызаться? – возмутился Леха. – Вот я тебя.

Предчувствуя сладкий миг возмездия, когда он собственноручно задушит ненавистное животное, будет чувствовать, как обмякшее тело кота в последний раз трепыхнется в руках, глаза с мольбой посмотрят на непреклонное лицо курсанта и застынут, так и не получив прощения, Пешкодралов надвинулся на Мессира, с жадностью вытянув вперед чуть подрагивающие от нетерпения ладони. Кот вжался в подушку.

– В хаосе моей квартиры так трудно было их найти, – послышался за спиной беспечный, ничего не подозревающий голос хозяйки. – Если вы хотите погладить Мессира, то он любит, когда его за ушком чешут.

Леха нервно дернул глазом и с неприязнью провел рукой по уху.

– Милое животное, – сквозь зубы процедил он.

– Вы полагаете? – радостно воскликнула женщина. – Как это замечательно, что наши вкусы совпадают.

Она улыбнулась так, что Леху передернуло в недобром предчувствии, и плюхнулась на кресло, эффектно откинув назад и без того короткую полу халата. Взору открылся с пятикопеечную монету синяк, своей синевой резко контрастировавший с белизной бледной нездоровой кожи. Заметив это, женщина спохватилась и скромно прикрыла обнаженное бедро.

– Вы спортсмен? – задала она вопрос, показавшийся Лехе неуместным.

– С чего вы взяли? – удивился он.

– Ваша одежда, – женщина элегантно хихикнула в кулачок, – слишком пикантна для делового стиля.

Леха, все еще не понимая, опустил голову вниз и почувствовал, как лицо и уши его медленно багровеют. Босые ноги мягко утопали в пушистом ковре, белая майка прикрывала глад-

кую, без растительности грудь, и – самое страшное – цветастые трусы, сшитые мамкой из старого своего халата, резали глаз большими красными маками. Интересно, что хозяйка о нем подумала?

– Я... да... спорт люблю, – выдавил кое-как из себя курсант, механически пятясь задом к выходу.

Все на свете когда-нибудь заканчивается, и коридоры в хрущевках тоже. Парень столкнулся задом с дверью, что заставило его остановиться. Женщина непонимающе хлопала на гостя глазами.

– Мне пора. Эти, как их, водные процедуры принимать.

– А как же это? – хозяйка помахала над головой плоскогубцами, зажатыми двумя пальчиками.

– В следующий раз. Как-нибудь.

– Нет-нет, вот так уйти я вам не позволю, – забеспокоилась женщина, вскакивая с места и подбегая к Лехе с завидной прытью. – Вы спасли моего Мессира от бродяжьей жизни, не дали ему затеряться в опасных лабиринтах города...

– Че?

– Без вас он погиб бы, или опошлится в общении с этими помойными котами, что для моего мальчика практически одно и то же, – горячо убеждала женщина. – Вы не можете уйти, не попив чая.

Леха проглотил слюну, вспомнив, что с утра у него маковой росинки во рту не было. Соблазн был велик, однако слово, данное ребятам, что он будет через пару минут стоять около кафедры криминалистики, оказалось сильнее. Леха даже зауважал себя немного.

– Никак не могу. Меня уже ждут. – Стоя спиной к двери, Леха дернул металлическую ручку. Дверь не поддавалась.

Хозяйка квартиры приблизилась плотнее, так что парень почувствовал ее горячее дыхание на щеках и запах дешевой туалетной воды. Полуобнаженная грудь, от волнения пошедшая красными пятнами, оказалась совсем рядом.

– Как же мне вас отблагодарить, – немного томно и без тени вопроса спросила женщина. Глаза ее блеснули игривым огоньком.

Ручка никак не поддавалась. Холодная испарина выступила на лбу парня, и одна капелька быстро побежала по виску. От неосторожного движения чалма на голове у обольстительницы размоталась и влажное полотенце тяжело упало на линолеум. Крашенные, цвета вишни, волосы рассыпались по плечам. Взмахом головы откинув непослушную челку назад, женщина сделала еще шаг вперед. Лехе показалось, что он слился с дверью, стал с нею одним целым, стараясь отодвинуться хоть чуток назад. Дергать ручку стало неудобно, и курсант отпустил ее. Но тут дверь, совершенно не согласуясь с правилами логики, скрипнула и поддавалась. Леха мешком вывалился в коридор, больно ударившись копчиком и почувствовав необыкновенное облегчение.

* * *

– Черт! – в который раз выругался Венька и, уткнувшись носом в стену, развернулся.

Виноватые глаза Санька Зубоскалина и обоих Утконесовых проводили Кулапудова до другой стены. Потом обратно. Вот уже добрых двадцать минут Венька маячил перед дверьми кафедры криминалистики, пугая своей нервозностью однокурсников. Он периодически подбегал то к Антону, то к Андрею, а то и к Саньку и риторически спрашивал:

– Три загадочных исчезновения за одно только утро. Каково?

Ответить на это ребятам было нечего. Действительно, вслед за капитаном Мочиловым скрылись в неопределенном направлении еще и Федор Ганга вместе с Пешкодраловым Алек-

сеем. Причем совершенно бесследно. Это новое известие тяжким грузом легло на плечи курсантов. Двое здоровых, крепких парней за какие-то полчаса! Если так будет продолжаться дальше, то раскрывать загадочное дело просто некому станет. И опять же возникал вопрос: относить ли все исчезновения к делу рук одного преступника или расследовать два преступления? Венька чувствовал, как мозги медленно закипают в перегруженной думами голове. Получался просто полтергейст какой-то. Венька приостановился и задумался над последней мыслью.

– Бред, – обрубил он ее и зашагал дальше.

* * *

Девяносто килограмм живого веса давили на руки, отчего локти мелко и еле уловимо подрагивали.

– Это мое любимое, – сладко расплываясь в улыбке, комментировал стоящий рядом Садюкин.

Федя видел только его ноги, которые расплывались перед глазами от дикого перенапряжения. Стометровку прошагать на руках, после пятнадцатиминутного изматывающего кросса с препятствиями, ласточки на брусьях, качания пресса на металлической лесенке головой вниз и многого другого – это испытание еще то. С момента своей неудачной попытки проникновения в школу милиции через спортзал Федор успел размяться, взбодриться, подкачать мышцы, сбить дыхание, напрочь забыть о бодрости от нечеловеческой усталости, проклясть Садюкина, пропавшего Мочилова и вообще всех, кого успел вспомнить до того момента, пока в состоянии еще был хоть как-то думать. Слабые порывы его сбежать в здание моментально пресекались умиленным, а оттого чересчур старательным тренером.

– Подожди, сейчас самое интересное, – останавливал Гангу Фрол Петрович и давал новое задание, хуже прежнего.

Наконец и Садюкин устал.

– Достаточно, – смилостивился он.

Федя рухнул вниз, как осенний лист. Конец мучениям! Сейчас он доползет до кафедры криминалистики, увидит родные лица друзей, сползет по стенке, стремясь к минус бесконечности, и скажет, что будет искать следы преступников где-то в районе пола. А они пусть делают, что хотят. Федор тяжело поднялся на неверные ноги и бросил взгляд на вожделенные стены учебного заведения. Фрол Петрович ободряюще похлопал его по плечу.

– И напоследок водные процедуры, – сказал он радостным голосом, взяв Федю, как малое дитя, за ручку.

Ответить что-либо Ганга был не в состоянии. Он покорно последовал за спортивной фигурой Садюкина, прихрамывая на одну ногу.

В душевой было пусто, как в кишечнике у студента. Федор включил горячую воду по сильнее, от души, так, что клубы пара ринулись вверх. Затем он подsunул голову под горячие струи и закрыл глаза от наслаждения. Приятное тепло растекалось по всему телу, постепенно смывая боль и усталость. Ощущения обострились в несколько раз, и парень почувствовал, как гудят и отходят плетьюми висящие по бокам руки. В такие минуты у Феди всегда возникал вопрос: почему люди не в воде живут?

Ледяная струя шоковой терапией пробежалась по телу. Ганга подпрыгнул.

– Контрастный душ полезнее всего для здоровья, – услышал он неприятный голос тренера.

Федя почувствовал, как судорожно сжимаются ладони. Сердце сжалось чугушной тяжестью, а в голове уныло зазвучала мелодия из рекламы «Camel». Назревала опасная ситуация с морем крови и последующим отбыванием срока на губе. Однако это не страшило. Федя просто

забыл об этом подумать. Он толкнул левой пяткой дверку кабинки. Дверца отлетела и бумерангом вернулась назад, оставив свой след на широкой груди курсанта. Ганга сжал челюсти и скрипнул зубами, выдавив к чертям свежевставленную пломбу. Пломба попала в горло и благополучно шлепнулась в желудок. Желудок непроизвольно сжался.

– Ик, – ответило нутро на вторжение малосъедобного продукта.

Чаша терпения переполнилась, и мгновение спустя снятая с петель недюжей силушкой дверь романтично улетела прочь, разгоняя в стороны белесые пары и мокриц. Черная, атлетического сложения фигура выступила наружу, шлепнув босыми ногами по мыльным лужам, и нащупала глазами объект мщения.

Ничего не подозревающий беспечный Садюкин баловался с горячим и холодным крапом, хотя печать смерти уже легла на его чело. Прокрутив в голове на ускоренном режиме «самеловскую» мелодию, Федор включил «Реквием» Моцарта и довольно потер рукою по безволосой груди.

– Я НЕ ЛЮБЛЮ ДУШ! – взревел Ганга в самое ухо незадачливого тренера.

Фрол Петрович почувствовал, как его аккуратненькая прическа медленно, но верно седеет. Впервые в жизни он по-настоящему испугался. Перекошенное, напрочь потерявшее фотогеничность лицо курсанта без тени любви смотрело на него, не предвещая ничего хорошего. Даже бурная фантазия не нашла бы в этом взгляде доброжелательность, хотя Садюкин очень старался заметить ее. Оставив гордость и прерогативы старшего по званию, тренер протянул руку назад и неуверенно нащупал на крюке полотенце. Следующее мгновение круто повернуло ход событий в новое, логически закономерное, но не вполне пристойное русло.

Собственная шкура – недостойный, но отчего-то любимый всеми аргумент для продолжения жизни – показалась Фролу Петровичу очень дорогой, просто бесценной вещицей. Расставаться с этой частной собственностью, гораздо более низменной, чем душа, тренер ни в какую не хотел, хотя ситуация к тому располагала. Сдернув с крюка полотенце и прикрыв им то, чем гордятся, но отчего-то не показывают широкому зрителю, Садюкин, здраво взвесив все за и против, решил просохнуть вне стен душевой. Дверь только и успела ошарашенно хлопнуть, скрыв за собою немолодое, однако все еще держащее форму тело. Федя взревел как раненый зверь, пришедший на водопой и обнаруживший, что за него все выпили, схватил шайку, приспособив ее для тех же целей, что и Садюкин полотенце, и ринулся вслед.

Разгоряченные бегом и сильными чувствами, их тела прохлады весеннего утра не ощутили. Неудобства доставляли только полотенце, вечно путавшееся под ногами, и тазик, больно бивший металлическим краем по коленкам.

Спорт Фрол Петрович любил. Особенно марафонский бег с препятствиями. Препятствием в данном случае послужила тетя Клава с подносом горяченьких пирожков, предназначенных для самого полковника Подтяжкина. Жиденький, мочеподобный чай в граненом стакане дополнял натюрморт, приготовленный дородной женщиной начальнику школы. Стрелой проносясь мимо, Садюкин точно впечатался в поднос, заставив пирожки спикировать на плац. Один из них угодил тренеру в открытый от быстрого бега рот, и Фрол Петрович, откусив, проглотил добрую половину. Пирожок оказался с мясом, что заставило мужчину понервничать. Садюкин был вегетарианцем. Коварный холестерин теперь обязательно должен был завладеть телом тренера, закупорить сосуды, забить кишечник и вызвать язву желудка. Фрол Петрович трагично смахнул полотенцем набежавшую слезу. Так не хотелось умирать в расцвете лет. Движение, сделанное рукой тренера, заставило тетю Клаву густо покраснеть и пошатнуться. Пробегавший рядом Ганга, дабы помочь несчастной женщине устоять на ногах, протянул руки и выронил при этом тазик. Повариха выказала крайнюю щепетильность и пуританское воспитание, рухнув от двойного удара в обморок.

Федя успел подхватить женщину. Однако тазик на данный момент был нужнее. Бросив тетю Клаву там же, где ее поймал, Ганга приладил аналог бронированных трусов на прежнее место и возобновил погоню.

Школьный двор не прерии Америки и кончается гораздо быстрее. В несколько секунд преодолев плац и оказавшись у железных ворот, с оставшимися от недавнего прошлого красными звездами по центру, Садюкин вырвался на просторы городских проспектов, шлепая босыми пятками по холодному асфальту. Какие неограниченные возможности предоставляли широкие, удобные для бега трассы! Можно было направиться направо и попасть в чем мать родила в ряды колхозного рынка. Можно было свернуть налево, неизбежно тем самым обрекая себя на посещение всегда многолюдной Театральной площади. Последний вариант – прямо к набережной, которая холодной весной пока еще не пользовалась популярностью. Фрол Петрович не стал раздумывать, как витязь на распутье, а сразу же остановился на последнем варианте.

Садюкин бежал скоро, по-спортивному. Федю подстегивала горячая африканская кровь и желание показать тренеру всю мощь своего чувства к нему. Силы этим сравнивались, и расстояние между спринтерами не уменьшалось, но и не увеличивалось. Набережная приближалась со скоростью неплохой «бээмвушки». Вопреки ожиданиям Фрола Петровича, с нее доносились подозрительные голоса. Хотя, может быть, это просто в висках стучало. На всех парах, не сбавляя скорости, марафонцы вбежали на бетон предмостовой площади и словно по команде замерли.

Огромная толпа, в центре которой они оказались, приветственно помахивала платочками «спортсменам» и скандировала что-то ободряющее.

* * *

– Ах, какой конфуз, – сочувственно пролепетала женщина, премило всплеснув руками с выпирающими руслами вен.

Кот, в самый неподходящий для Лехи момент, оказался почему-то за ее спиной, все видел и вроде бы как презрительно ухмыльнулся себе в усы. Во всяком случае, Пешкодралову так почудилось. Леха никогда еще не терпел насмешек от животных, и это его задело.

Спикировав на копчик, курсант закрыл глаза. Перед ним поплыли звезды, птички, взрывающиеся петарды и строгий учитель химии, которого Леха все свое сознательное детство боялся. Он резко открыл глаза, и перед ним предстали пухленькие короткие ноги. Захотелось вновь зажмуриться.

– Не сидите на полу, вы простудитесь. Пойдемте лучше в дом, – предложила обладательница ножек.

– Нет-нет, я к себе, – второпях отказался Пешкодралов и суматошно стал подниматься с пола. – Тренер заждался. Да и занятия прерывать не следует. У меня по программе прыжки. В длину. Через голову... – Леха запнулся, увидев, что женщина приближается.

Парень медленно повел взгляд вверх. Короткий, едва прикрывающий тридцать процентов поверхности тела халатик снизу открывал любопытному зрителю куда больше, чем сверху или, скажем, с любого из боков. Под ним красное кружевное белье вульгарно звало к себе, вызывая низменные, недостойные российского милиционера чувства. Леха закашлялся.

– Ну, я пошел, – быстро проговорил он, повернулся к лестнице и...

– Боже мой, что это? У вас кровь? – услышал Пешкодралов за спиной.

И дернул же его черт оглянуться!

Рыхлое, но все еще с изюминкой женское тело, совсем недавно полное энергии, вдруг настигнутое обморочным состоянием, бревном падало точно на него. Настоящий курсант не мог оставить женское тело без внимания, живое оно или мертвое. И Леха его поймал.

– Эй, как вас? – робко позвал он безучастную ко всему окружающему женщину. – Вы лучше пройдите в комнату. Здесь лежать будет неудобно.

Разумное его замечание осталось без внимания. Ясно было, что вынос тела на диван оставалось произвести единственному свидетелю происшествия, не считая кота. То есть ему, Пешкодралову Алексею Агаповичу. Вот незадача! Ничего не оставалось делать, и Леха двинулся к двери.

Не иначе как в родне ненавистного Пешкодралову животного были сторожевые коты или, на худой конец, коты-секьюрити. Зверь черною пантерой преградил путь курсанту и угрожающе вздыбил шерсть на хребте, пустив в воздух две стремительные искры. Леха попробовал продвинуться боком. Кот зашипел и зверски выпустил когти, махнув в сторону парня лапой. Вторая попытка проникнуть в квартиру увенчалась тем же результатом.

А тяжелое тело женщины не становилось легче. Совсем даже наоборот. Леха почувствовал, как руки от большого напряжения стали мелко подрагивать. А коту хоть бы что! Его это даже радовало.

– Давай с тобой поговорим как мужик с мужиком, – попробовал надавить на сознательность врага парень. Он хотел присесть на корточки, чтобы лучше видеть бесстыжие глаза, но с грузом в семьдесят килограмм ничего не получилось. – Мне от твоей хозяйки ничего не надо. И она, кстати, тоже мне не нужна. Хочешь, забирай ее и тащи сам в квартиру. Мне только лучше будет.

Леха замолчал, ожидая реакции кота на его слова, но животное не побеспокоилось протянуть лапы, чтобы принять грузное тело хозяйки в свои объятия. Посторониться оно тоже не пожелало.

– Значит, игнорируешь мое предложение? – начинал злиться Леха. Он нервничал, отчего ушибленный копчик все сильнее и сильнее болел. – Хорошо, попробуем подойти к вопросу с другой стороны.

Пешкодралов как мог постарался изобразить безразличие на лице и, демонстративно насвистывая под нос простенький мотив, двинулся на выход. Розовые пятки случайной знакомой потащились по каменному полу, собирая вековую пыль. Изящная, пушисто-красная тапочка соскользнула с правой ноги и одиноко осталась лежать между уплывающей хозяйкой и психованным котом.

– Твоя взяла, я уйду, – бросил парень и осторожно взглянул назад. Кот не сдвинулся с места. – Заметь, некому тебе будет теперь «Китикет» покупать, – гнул свое Леха, спускаясь по ступеням. Нести тело стало неудобно, отчего пришлось его перевалить на спину. Женщина странно ухнула, но в сознание не пришла.

Назревала ситуация, которую Леха предвидеть не хотел. Зверь, обманутый Лехиным ложным маневром (на самом деле Пешкодралов не собирался никуда уходить, потому что с женщиной на спине таскаться по улицам не хотелось), бдительность почему-то терять не собирался и из дверного проема не уходил.

– Медом ему там, что ли, намазали, – пробурчал парень и приостановился на месте. Может, попробовать на таран?

Он взглянул на врага пристально. Злая искорка полыхнула в его глазах и погасла, зародив уверенность. Нужны были решительные действия, и Леха был готов к ним.

Перевалив несчастное тело хозяйки со спины опять на руки, Леха подумал и засунул его под мышку, чтобы не мешалось. Благо силушкой парень, возросший на вольных хлебах деревенской глубинки, обделен не был. Пара прыжков – и он вновь на площадке у злополучной квартиры. Кот вильнул хвостом из стороны в сторону, стараясь запугать Пешкодралова. Не на того напал! Курсанта российской милиции на понт не возьмешь!

С громким боевым кличем: «Ухне-ем!» – Леха рванул вперед, громко шлепая босыми ногами по полу. Голова несчастной женщины, имевшей неосторожность не вовремя потерять

сознание, задорно подпрыгивала в районе Лехино сердца, а растрепанные волосы производили беспорядочные движения, сбрызгивая капли недавно принятого душа. Рот недовольно скривился, но глаза были закрыты, продолжая изображать бессознательность. По-молодецки, в считанные секунды развив завидную скорость, парень ворвался в темную прихожую, впопыхах задулив животное в дальний угол коридора.

– Мя-я-я-у-у! – грязно выругался кот.

Леха не отреагировал. Он сделал свое дело, и крепость была взята. Оставалось только забросить хозяйку квартиры на диван и линять отсюда, пока чего еще не случилось. Парень помнил, что диван располагался в той комнате, из которой он совсем недавно так бесславно вырвался. Оказавшись рядом с ним, Пешкодралов уже размахнулся, примеряясь к броску...

Душа его, возросшая в грубых условиях бескультурной деревни, по сути своей от рождения была доброй и широкой, как бескрайние поля российской глубинки. Несмотря на возраст и будущую профессию, она словно беспомощный цыпленок оставалась наивной, ранимой. Тяжелая жизнь села не смогла заставить ее сделаться черствой. Короче, Леха женщину бросить не мог, и точка.

Укладывая бессознательное тело на мягкое ворсистое покрывало, разрисованное стилизованными цветами и бабочками, курсант склонился над бледным лицом хозяйки кота и почувствовал ее горячее дыхание. Лехе и без того было жарко от одной только мысли, что его тыл оказался открыт пристальному взгляду врага, притаившемуся сзади, у кресла. А тут еще этот горячий пар, вырывающийся из широких ноздрей хозяйки. Незащищенный тыл курсанта с новой силой заныл, напоминая о позорном падении. Женщина резко открыла глаза, вперив каштановый взгляд в Лехин нос, густо покрывшийся испариной. Парень ощутил, как рука ее обвила его шею и требовательно притянула к себе ближе.

– Мой мачо, вы такой галантный, – Пешкодралов попробовал вырваться. – ...и страстный.

Откуда у женщины взялась такая сила, Леха не знал. Властным движением она прижала курсанта к своей вздымавшейся как океан груди.

– Как только я тебя увидела, я потеряла голову. Ты такой красивый.

– Здесь темно, вы плохо рассмотрели, – безрезультатно пытался вырваться Леха.

– Пышешь молодой страстью...

– В квартире душно.

– У тебя такая крепкая, спортивная фигура...

– Я на днях полнеть начал. Вон он, второй подбородок. – Пешкодралов вытянул шею, чтобы женщина лучше рассмотрела.

– А эта обольстительная неприступность.

– Ну что вы, я мягок и податлив.

Объятия сжались крепче.

– Как отраднo это слышать, – горячо прошептала влюбленная женщина, и парень почувствовал прикосновение ее полных влажных губ к своим губам.

В голове все завертелось, покатило кувыркoм, смешалось в одну большую кучу. Все мысли покинули распаленный Лехин мозг, кроме одной. «Линя-я-ять», – кричала она внутри Пешкодралова и ругалась матом. Бдительность была потеряна напрочь, чем и воспользовался злейший враг человечества, черный зверь, затаившийся до поры до времени в углу. Полет до этого угла им не был забыт. И возмездие наступило.

Острые когти впились в тот самый тыл, незащищенность которого волновала Леху уже заранее. Словно медсестра-садистка вонзила туда сотню острых шприцов. Леха дернулся и подался вперед, навалившись на разгоряченную любовными чувствами женщину.

– Больше страсти! – вскрикнула она, раздирая майку на Лехиной груди. Она бросила на пол истерзанные лоскуты и откинула в стороны руки. – Я ваша!

Кот вонзил зубы в мягкую плоть курсанта, что оказалось той самой пресловутой последней каплей. Пешкодралов взвился на месте, подпрыгнув чуть ли не до потолка, и ринулся в первую попавшуюся дверь.

Это была дверь балкона.

Балкон оказался узким, а его перила некрепкими. Проторив себе дорогу далее, в безграничные просторы воздушного пространства, Леха сделал несколько шагов по воздуху и... почувствовал, что зря надрывается. Все равно летит.

Приземление не отличалось мягкостью, но удивило своей целенаправленностью. Пешкодралов рухнул точно на копчик. В который вцепился кот. Под котом же оказалась та самая вожденная грязно-красная крыша школы милиции, на которую так хотелось попасть курсанту. Парень вздохнул – не разбился.

Крыша была покатою, и Леха почувствовал, что с ускорением съезжает вниз. Вместе с котом. Кот, послуживший прокладкой между человеком и крышей, истошно выл, оставляя клочки шерсти на металле. Ухватиться было не за что, чтобы хоть как-то притормозить движение. Серый асфальт дороги, с мчащимися по нему машинами, угрожающе надвигался. Падение было неизбежным. Край крыши. Ноги безвольно повисли в воздухе...

Леха вцепился руками в скользкий карниз и мысленно попрощался с мамой, папой и капитаном Мочиловым.

* * *

Огромная толпа, в центре которой оказались Федя и Садюкин, приветственно помахивала платочками «спортсменам» и скандировала что-то ободряющее. Рядом, на небольшом возвышении, которое при богатой фантазии можно было принять за трибуну, размахивал носовым платком, зажатым в кулак, какой-то тип мужиковатой наружности, крашенный в рыжий цвет и с нарисованными веснушками.

– Вот парни показали нам типичный пример современной распущенности нравов и стремления подражать Западу, – кричал рыжий на трибуне. – Не постеснялись ради правого дела. Молодцы!

Массы ободряюще взревели.

– У них, в Америке, может, так и принято, разгуливать по улицам в чем мать родила, но в нашей стране подобного безобразия не должно допускаться.

Массы снова загудели, согласные с оратором. Фрол Петрович на всякий случай растянул глупую улыбку и подхалимски кивнул. Сухонькая рука маленького старичка, здорово смахивавшего на лесовичка из фильмов Роу, опустилась на плечо Ганги. Федя посмотрел в мгновение прослезившиеся глаза.

– Туды-т твою в коромысло. Басурманин, а как за правое дело радеет, – восторженно произнес пенсионер.

За спиной послышался шепот:

– Черный, а ничего, ладный. Мне бы лет с десятков сбросить, не упустила бы такого.

– Какой десяток, Федотовна? Ты же Николая, царя, помнишь. Когда он еще в мальчиках ходил.

– Ить чего удумала. Ничуть не помню мальцом-то. Вот отроком, да. Бывало, папаша евойный, Александр, на коня белого с собою посадить, вожжи в руки даст...

– Удила, Федотовна.

– А я о чем, уздечку, ясно. Он сидит, такой весь из себя статный. Прямо как парнишка этот, только кожей светлее.

– А не вспомнить ли тебе молодость, Федотовна? – хихикнул голос.

– Чего же не вспомнить. Я ведь еще хоть куды. Функционирую.

За время всего разговора Федя самолично прочувствовал, что это за прекрасное ощущение – шевелящихся на голове волос. Словно живые, они беспорядочно, не поддаваясь никакой логике, перемещались, распрямляясь и лишая Гангу его природных кудрей. Старичок, обзававший его басурманином, дрожащей рукой опирался на плечо курсанта, беззубо улыбаясь. Федя нервно дернул подбородком и обернулся на потенциальную любовницу. Тазик выпал из рук, гулко зазвенев об асфальт.

– Ого! С таким я еще как зафункционирую!

* * *

Санек сидел на подоконнике и беспечно болтал ногами, все время задевая батарею. Непростительно беспечно, если учитывать всю сложность ситуации, в которой оказался почти ополовиненный состав комнаты номер 13, то есть команда Кулапудова. Окно было открыто, нежный весенний ветерок приятно поглаживал руки и раздувал майку парусом. Может быть, это позволило Диролу расслабиться и проявить легкомыслие? Санек Зубоскалин с интересом изучал братьев Утконесовых, присевших на корточки у стены.

– Вот интересно, как же это получается два дубликата таких народить? – философски заметил он. – Как клонированные, ей-богу.

– А ты видел клонированных? – огрызнулся Антон. – Сравнивает тоже!

– В фильмах видел.

– Так то же монтаж, – справедливо заметил Андрей.

– Вы что, не понимаете всей серьезности происходящего? – взвился нервничавший больше всех Кулапудов. – О каком монтаже может идти речь, когда такое дело!

Венька подскочил вплотную к Саньку, ткнув пальцем в воздух. Предполагалось, что это должно было усюветить парня. Дирол спрыгнул с подоконника и фамильярно повесил руку на плечи командира.

– Монтаж, дорогой мой, это такое дело, когда был человек – и нет его. Куда делся? Почему так? Потому что вырезали. – Санек поцелкал двумя пальцами у носа Кулапудова. – Или наоборот, сначала вроде нет никого, а потом оп!..

Парень не успел закончить фразу, сбитый с ног мощным ударом в спину. Падая на пол, он успел заметить знакомые трусы с маками.

– Монтаж? – удивился Венька. – Или все же полтергейст?

– Да Леха я, – обиделся обладатель трусов. – Пикировал тут с крыши, да вас заметил – решил завернуть в окошко.

Станный шум за окном заставил всех отвлечься от мрачных мыслей. Вся честная компания перегнулась через подоконник и посмотрела вниз, за ворота школы. Шумная, пестрая делегация с платочками, окружив две фигуры, не по сезону легко одетые (в полотенце и тазик), стройно маршировала в сторону школы милиции.

– Пикетировать будут? – предположил Андрей.

– Вероятно.

Венька почувствовал в несанкционированном митинге какую-то скрытую угрозу. А люди тем временем собрались около школы, размахивая плакатами. И что это за подозрительные платочки у них в руках?

– Да не, ребята, это же Федя с Садюкой! – признал своих Санек и присвистнул. – Во дают, нудисты скрытые.

Венька потер лоб. Он все больше склонялся к версии полтергейста.

– А вот и наша убойная группа! – торжественно раздалось в коридоре, заставив друзей обернуться.

У распахнутых дверей кафедры, широко и гордо улыбаясь, стоял не кто иной, как капитан Мочиллов собственной персоной, живой и невредимый, без малейших следов пыток чеченцев или других каких подлых террористов. Полковник Подтяжкин, начальник школы, осторожно выйдя из дверей, нервно улыбнулся. Он выглядел из-за спины чрезвычайно длинного и чрезвычайно важного собой старшего лейтенанта сто двадцать пятого участка Ворохватава. Два хмурых типа в штатском, оказавшихся рядом, молча кивнули. Им было все равно.

– И все-таки полтергейст.

* * *

Как оказалось впоследствии, капитан Мочиллов Глеб Ефимович никуда не пропал, сидел себе спокойненько в своем кабинете и имел важную беседу со старшим лейтенантом Ворохватавым и серьезными гражданами из правительства. По правую руку его взволнованно пыхтел полковник Подтяжкин, вытирая дрожащей ладонью выступивший на лбу пот. Яркий луч майского солнца весело издевался над Павлом Петровичем, припекая ему самую лысину. Круглая и гладкая макушка от жары стала пунцового цвета, но полковник не пересаживался в тени. Он просто боялся это сделать.

Так уж получилось, что заправлял всем в Высшей школе милиции человек нерешительный и боязливый. Полковничья должность нисколько не вязалась с личностью Подтяжкина Павла Петровича. Начать с того, что, отличаясь внушительными размерами, начальник школы имел лицо, сильно напоминающее детское. Вздернутый носик, пухлые, немного обиженные губки, круглые, со здоровым румянцем щеки. Но не в этом состоял главный недостаток Подтяжкина.

Павел Петрович был попросту тряпкой, хоть и занимающей ответственный пост. Полковник часто конфузился и безоговорочно слушался законную супругу, которая являлась полной противоположностью мужа, тощей и властной женщиной с плотно сомкнутыми губами. Именно она протолкнула Подтяжкина в школу, с помощью скандалов и интриг добиваясь для него повышения за повышением. Самоотверженная забота о муже, а точнее, о его кошельке и связях, позволила женщине из безвольного и, в принципе, никчемного человека сделать полковника с перспективой дальнейшего продвижения по службе.

– Ваши мальчишки справятся? – с благоговейной надеждой заглядывая в глаза Мочилова, во время беседы робко спрашивал полковник.

– Так точно! – четко рапортовал Глеб Ефимович и шумно отхлебывал кофе из маленькой чашечки, которую капитану страшно было и в руки-то брать, чтобы не раздавить.

Люди из правительства города (а именно ими были те два хмурых типа в штатском) с каменными лицами воспринимали эту информацию. Казалось, они как минимум замумифицированы, но не полностью, поскольку зрачки их глазных яблок время от времени перемещались из стороны в сторону. Ворохватав, восседавший во главе стола на месте капитана Мочилова, выбранном очень удачно – у батареи и в то же время рядом со шкафом, – самодовольно откинулся назад.

– Да, я на днях убедился в том, что из ваших курсантов, при умелом руководстве, может выйти толк. Должен признать, что в выполнении последнего моего захвата преступной группировки эта шестерка приняла небольшое участие и даже, в некотором роде, помогла мне в нелегком задании.

Мочиллов скрипнул зубами, но до поры до времени промолчал. Ему все меньше нравился этот заносчивый субъект.

Надо сказать, что Ворохватав за последние дни изменился буквально до неузнаваемости. Некогда скромного и тихого, его нетрудно было заставить смущаться. Когда же Ворохватав смущался, его непослушный язык сам собою начинал медленнее ворочаться, и старший лей-

тенант заикался, что еще больше вводило его самого в краску. Пожалуй, только с женой, на кухне, когда, кроме нее и детей, его никто не видел, голос лейтенанта обретал природную силу. На Люську Ворохватов мог прикрикнуть, да еще как. Такое часто случается, когда женятся не по любви, а по банальному расчету. Расчет же был один – звучная для милиционера фамилия. Не то что его прежняя – Вороватов.

Однако такое положение дел в корне изменилось буквально несколько дней назад, когда Ворохватов случайно оказался на месте поимки преступников-дурковедов, которых собственноручно (вернее, собственнножно) загнал в угол Кулапудов Вениамин. В результате, преподнесеня в нужном свете и в нужном месте процесс задержания, Ворохватов получил новые погоны вместе со львиной долей славы. Именно с этого момента старшего лейтенанта словно подменили. Он стал отличаться неимоверной надменностью и деспотичностью. Пожалуй, чуть в меньшей степени у него проявилась еще одна новая черта – любовь все преувеличить и прихвастнуть.

– Думаю, в тот памятный день именно мое благотворное влияние помогло вашему курсанту правильно провести операцию... – заливал Ворохватов, раболепно поглядывая на высоких гостей.

Мочиллов от злости хлебнул слишком много кофе и, поперхнувшись, закашлялся. Кофе пошел не в то горло, омыв собою полость носа. Неприятное ощущение заставило капитана состроить рожу сидевшему напротив гражданину из правительства. Гость хлопнул глазами, показав тем самым, что он еще жив.

– Изви... кх... ните, кх, кх. Я переберусь к свежему воздуху, – неуклюже вставая из-за стола, сказал Глеб Ефимович.

– Конечно, конечно, – суетливо согласился Подтяжкин.

Капитан подошел к окну и распахнул его створки. Свежий воздух защекотал в носу и вызвал новые приступы кашля. Мочиллов отвернулся и стал пристально изучать старшего лейтенанта, сидящего теперь к нему спиной. Тощая фигура, восседающая на его, между прочим, стуле, вызывала отвращение. Костлявый зад по-хозяйски развалился на маленькой подушечке, с любовью сшитой женой капитана в качестве профилактики геморроя. А эти кости запросто могли проткнуть нежную ткань. Захотелось размять ноги в тяжелых армейских ботинках и впечатать один из них – правый, к примеру, – в нагло пристроившееся седалище. Соблазн был велик. Он уже почти совсем склонил Мочилова к осквернению тыла старшего лейтенанта, как новый звук заставил Глеба Ефимовича приостановиться. Звук доносился из окна, вернее, немного выше окна. Словно по крыше что-то шуршало.

– Неужели дождь? – недоумевающе пробубнил капитан и, не глядя, вытянул в окно руку.

Капля, упавшая на ладонь, оказалась тяжелой и мягкой на ощупь. К тому же она обладала редкой для капли способностью шевелиться. Глеб Ефимович удивленно обернулся и вздрогнул. На руке его измученно повис жалкий черный кот. На спине у него вытерлась до лысины шерсть, а от былой гордости не осталось и следа. Мочиллов озадаченно приподнял бровь и посмотрел вверх. Из какой это тучи такие осадки выпадают? Под самой крышей беспомощно болтались босые ноги и шикарные трусы с маками. Остального великолепия Глеб Ефимович не успел рассмотреть.

– На что вы там отвлекаетесь, капитан? – надменно спросил Ворохватов, даже не взглянув в сторону окна. – У нас важное заседание, если хотите знать.

Глеб Ефимович дернулся и машинально спрятал кота за спину. Значит, важное заседание? Значит, этот лейтенантишко вздумал его учить? Его! Капитана! Мочиллов перекатился с пятки на носок и обратно, подумал... и еще раз перекатился. Ладно, посмотрим, кто кого научит.

– Иван Арнольдович, – обратился капитан к Ворохватову, – уверяю вас, вы не ошиблись, предложив господам из правительства моих мальчиков. Достаточно только посмотреть на табель успеваемости, и вы поймете, какой верный выбор вы сделали.

Капитан Мочилов протянул свободную руку вперед, указывая на большой плакат с графиками на противоположной стене. Ворохватов подался вперед, близоруко прищурившись. Однако на таком расстоянии буквы не читались.

– Убедитесь в этом сами, – давил Глеб Ефимович.

Спесь на лице старшего лейтенанта сократилась процентов на семьдесят. Он растерянно взглянул в глаза полковника и высоких гостей. Не подчиниться приказу человека, старшего по званию, было глупо. И прежние заслуги Ворохватову в этом не помогут. Ни одобрения, ни порицания во внешности людей из правительства лейтенант не увидел, а потому встал и, извинившись, вышел из-за стола.

Коварная улыбка на секунду мелькнула на лице Мочилова, выказав минутную слабость. Капитан быстро взял себя в руки и, значительно посерьезнев, двинулся от окна к своему месту. Когда Глеб Ефимович сел на стул, в руках у него ничего уже не было.

– Я знал, что сделаю правильный выбор, – не забыл похвалить себя Ворохватов, изучив длинный список курсантов школы.

– Несомненно, – притворно согласился капитан. – Вы настолько прозорливы, что, кажется, видите сквозь стены.

Довольный комплиментом, Иван Арнольдович молодецкато выпрямился и прошествовал на свое место. Перед тем как опуститься на стул, он еще пару секунд постоял, красуясь своим длинным ростом, и с размаху сел.

– М-я-я-я-у-а-у-у! – возопила подушечка, сшитая любящей женой Мочилова.

Ворохватов подскочил и проверил рукой свою пятую точку. На ощупь аномалий на ней никаких не обнаружилось. Меховая накидка на подушке вяло соскочила на пол и, прихрамывая, засемила к выходу.

– Видимо, проникая взглядом сквозь стены, вы совершенно не успеваете смотреть еще и на то, что творится у вас под носом, – с сочувствием произнес Глеб Ефимович. – Как я вас понимаю.

Иван Арнольдович сжал челюсти, окинув капитана испепеляющим взглядом. Глеб Ефимович ответил ему взаимностью. Назревала непредвиденная, не согласованная с планом мероприятия, ситуация.

В этот момент один из правительственных гостей встал из-за стола. Подтяжкин снова вздрогнул, не ожидая подобной активности от уважаемых господ.

– Дело решенное, – убежденно сказал гость. – Мы доверяем курсантам подобную миссию.

* * *

В объяснении поставленной задачи капитан был краток и деловит. В городок Зюзюкинск приехал не слишком видный, но известный политический деятель, относящийся к крайне левой партии НОС, что значит – «Наше отечество свято». Эта партия мало популярна по стране, но в Зюзюкинске пользуется огромной популярностью. Практически весь немногочисленный милицейский состав маленького городка был брошен на охрану приехавшего политика, на наведение порядка у исторических достопримечательностей и на патрулирование центральных улиц, где будет встречаться с народом гость. В результате в органах моментально почувствовалась острая нехватка стражей закона на душу населения. В закоулках Зюзюкинска, и без того отличавшихся неблагоприятной криминогенной обстановкой, в отсутствие милиции преступники не на шутку расшалились. Властями города решено было приобщить к наведе-

нию порядка недавно отличившуюся на поимке дурковедов группу курсантов. Политик обещал пробыть в городе неделю.

– Нам бы эту неделю продержаться, ребятки! – патетично воскликнул Глеб Ефимович в заключение своей речи. – Поможем нашим старшим товарищам в патрулировании улиц города!

– Ура-а-а! – грянуло за окном.

В воздухе повисла пауза, не обещающая ничего хорошего. Мочиллов и Подтяжкин озадаченно переглянулись, а Ворохватов многозначительно крякнул. Правда, что он имел в виду своим кряканьем, для всех осталось загадкой.

– Кстати, чего это вы все не по форме одеты и куда делся курсант Ганга? – заметил Глеб Ефимович.

Ребята плотнее придвинулись друг к другу, заслоняя телами окно. Не успевший отдышаться после утренней войны с женщиной и животным, Леха высказал испытанную уже версию:

– Спортом занимаемся.

– В коридоре? – удивился полковник. – Необычный способ.

– Согласны-ы-ы! – взревели за окном.

– Подозрительные у вас тут звуки раздаются, – ехидно заметил Ворохватов. – Разрешите узнать, кто это там так кричит?

Иван Арнольдович двинулся в сторону группы Кулапудова. Курсанты стояли незыблемой стеной.

– Мне плохо видно, – не совсем по уставу просящим голосом заметил старший лейтенант. «Ага, спесь-то убавляется!» – довольно отметил про себя Мочиллов.

– Да что там смотреть, обыкновенные учения, – нашелся Санек Зубоскалин.

– И все-таки разрешите, – протиснулся старший лейтенант. – Ого! – глубокомысленно отметил он.

Краткое восклицание заинтересовало и заставило зависнуть в окне не только наших старых знакомых, но и правительственных гостей. Маска беспристрастности на их лицах сменилась некоторым любопытством.

Внизу, на положенном вверх дном тазике в позе оратора стоял неприлично голый Садюкин и, воодушевленно размахивая правой рукой, держал речь. Увлекаясь темой повествования, он порою ослаблял левую руку, придерживавшую скромных размеров полотенце, обмотанное вокруг бедер.

Слушатели были более чем благодарны. Поминутно из их рядов доносились восклицания: «Верно!» или «Правильно говоришь!», звучали аплодисменты. Федя под шумок успел смыться.

– Опять пропал, – безнадежно выдавил Кулапудов и вытер навернувшиеся на глаза слезы. Аномалии продолжались.

2

Леха Пешкодралов довольно подставлял круглые щеки ласковому ветерку и шурился на щедро светящее майское солнце. Он был на пике блаженства. В парадной форме, начищенных до блеска ботинках, он прохаживался от памятника Ленину к памятнику Столыпину, заносчиво смотрящих друг на друга, и радовался. Сбылась его мечта. Он – патрульный милиционер. Посмотрел бы на это Ленька Шабашок. Вот обзавидовался бы!

Пешкодралов довольно шмыгнул носом и, повернувшись на триста шестьдесят градусов, подставил другую щеку под ласковые лучи. Солнечное тепло расслабляло и мешало со всем вниманием следить за порядком на улице. Леха, забывшись от удовольствия, приятно погладил рукой поджарый, с бугорками мышц, живот.

– Вот, если будешь себя плохо вести, когда вырастешь, станешь милиционером, – пожурела своего малыша проходящая по тротуару мамаша.

– Не хочу быть милиционеро-о-ом, хочу быть банкиро-о-ом, – обиженно заныл малец.

Глупая улыбка с лица курсанта мгновенно сползла. Обида волной подкатила к горлу парня, заставив сурово свести брови у переносицы. Мальчик заметил это и, испугавшись грозного вида милиционера, икнул.

– Не слушай ее, мальчик, – торжественным голосом произнес Леха. – Работа стража порядка почетна и ответственна.

Пешкодралов еще сильнее сгустил брови, прочувствовав всю значимость произносимого. От испуга мальчик икнул три раза подряд и, отступив на пару шагов назад, рванул в противоположную сторону от страшного дядьки. На противоположной стороне пролегалла оживленная трасса. Элегантная «Победа» пенсионного возраста со срезанным верхом на манер кабриолета неслась со скоростью шестьдесят километров в час прямо на ребенка. Женщина ахнула, а Леха внутренне подобрался, решив для себя: сейчас или никогда он совершит подвиг, который не стыдно будет записать в скрижали истории. Или хотя бы в мамину тетрадь, в которой она отмечает все памятные события, произошедшие в родной Дрыщевке.

– Извините, гражданка, угроза дорожно-транспортного происшествия, – мимоходом бросил курсант мамаше и рванулся спасать невинную душу.

Душа меж тем замешкалась у самого бордюра, заметив, что у нее развязался шнурок. Однако Пешкодралов, набрав скорость, остановиться уже не мог и в мгновение ока оказался на дороге, среди мчащихся с нервной скоростью машин. Снующие туда-сюда автомобили вскружили голову привыкшему к темпам размеренных кляч деревенскому парню. Даже тошнота подкатила к горлу. Скрип тормозов пронзил воздух. В глазах помутилось. В синеватой дымке кабриолет расплылся до неприятной жирной кляксы, нечеткая фигура поспешно выплыла из него и знакомый голос спросил:

– Мой мачо, ты меня нашел...

– Мя-у, – ехидно заметило перебинтованное черное существо, распластавшееся на руках у хозяйки.

* * *

Братьям Утконесовым достались посты напротив: Антон патрулировал левую сторону улицы Декабристов, Андрей переминался с ноги на ногу по правую руку. Как назло, ничего подозрительного или противозаконного не происходило, и курсантам приходилось банально бездействовать. Это разочаровывало, по той простой причине, что в силу молодого и пылкого характера братьям хотелось ловить преступников направо и налево, вырывать с корнем уго-

ловный элемент из родного, любимого городка. На ту неделю, что им предстояло пробыть и. о. патрульных города Зюсюкинска, парни составили себе программу-минимум – полное и повсеместное устранение лиц в законе и их пособников. Программу максимум Утконесовы еще не обсуждали.

И вот с такими серьезными обязательствами, взятыми друг перед другом, Антон и Андрей бесцельно простаивали. А учитывая криминогенную обстановку в стране и краткие сроки выполнения задачи, бездействие было просто преступным. За ночь, лежа под одеялом с фонариком, братья детально проработали плотный график поимки нарушителей спокойствия. В день получалось около сотни, плюс-минус три незначительные шестерки. Выходит, нужно было поторапливаться.

Антон зорко всматривался в прохожих, выискивая самых неблагонадежных из них. Вот прошел мужчина в очках и с тростью. Антон немало в свое время пересмотрел фильмов про шпионов и прекрасно знал, какое это грозное оружие – трость. Зачем ему, спрашивается, эта вышедшая из моды палка? Правда, подозрительный тип очень натурально притворился прихрамывающим на одну ногу. Но Антон понимал, что это чистой воды симуляция.

Антон многозначительно переглянулся с Андреем и, сняв фуражку, провел рукой по волосам. Это был условный знак «Внимание!», придуманный этой же ночью под одеялом. Андрей стряхнул с плеча несуществующую пылинку, что означало: «Понял тебя отлично». Братья двинулись вдоль улицы параллельно движению шпики, держась немного в стороне, но в то же время не упуская его из виду. Тип подозрительно остановился, опершись о стену Оперного театра, якобы отдохнуть.

«Проверяет, нет ли за ним слежки», – подал знак Андрей, почесав левую подмышку правой рукой.

«Я тоже так думаю», – ответил Антон, подпрыгнув на месте три раза. – «Маскируемся», – поковырял он в носу указательным пальцем.

Курсанты разом вытащили из-за пазухи «Зюсюкинские вести» и углубились в их прочтение. Преступник не знал, что в каждой из газет были проделаны маленькие дырочки, специально предназначенные для слежки. И все-таки он обратил внимание на двух одинаковых парней с одинаковыми газетами, производящих странные телодвижения.

«Профессионал», – почесал за ухом Антон.

Вывод был сделан верно. Несмотря на такую мощную конспирацию, шпики их раскусил буквально за несколько секунд. Он удивленно пожал одним плечом и покрутил пальцем у виска. Антон и Андрей растерянно переглянулись. Такого знака в их арсенале не было и что он значил, парни понять не могли. Дело принимало непредсказуемый оборот.

Но основной удар по затеянной слежке произошел минутой спустя, когда одновременно, но с разных сторон на улицу вышли два гражданина, внешность которых была не менее подозрительна, чем у шпики. Начать с того, что первый имел совершенно лысый череп и вызывающую наклку на плече. «Скин», – одновременно просигнализировали друг другу братья. Вторым являлся бездомного вида подростком с взлохмаченной прической и следами чернозема под ногтями. Он как-то странно вел себя, совершенно не по-детски сморщив лоб и высматривая что-то на сером тротуаре. Что он мог искать? Почему именно на улице?

Возникла дилемма, решить которую нужно было срочно, не откладывая в долгий ящик. Следить ли за иностранным разведчиком, переключить ли свое внимание на представителя полуфашистской группировки или позаботиться о приюте для малолетнего преступника, который был еще молод, а следовательно, подавал надежды на исправление? Братья решили пока не упускать из поля зрения ни одного из подозреваемых.

* * *

Улыбка на триста шестьдесят пять тысяч долларов – не меньше – нарисовалась на лице Дирола. Впору ценник вешать – до того она была хороша. А все от того, что мимо прошли стройные изящные ножки, едва прикрываемые пикантной юбочкой. К ножкам прилагалась еще и фигурка, конечно, и симпатичное личико, и шаловливые глазки. Весь набор для донжуана в одной упаковке. За это утро третий неплохой экземплярчик. Санек представить себе не мог, как замечательна работа стража порядка.

Обладательница ножек подошла к перекрестку и нетерпеливо посмотрела на часы. Горел красный свет, что заставило девушку недовольно сложить губки. Зубоскалин понял – это его шанс. В мгновение ока курсант перенесся в самый центр перекрестка, вложил в губы свисток и использовал его по назначению. Заливистая трель огласила окрестности. Несколько прохожих заинтересованно нацелили взгляды на перекресток, одна нервная дама схватилась за сердце, хотя находилась в стороне от дороги.

Санек показал рукою новое направление движения, буквально поедая взглядом аппетитную гражданку. Она заметила это. Все симпатичные женщины кожей чувствуют обращенное на них внимание. Кажется, не будь этой подпитки всеобщим восхищением, красота оставит о себе одни лишь воспоминания. Короче говоря, девушка все заметила и правильно приняла на свой счет. Плавной походкой она приблизилась к Зубоскалину и вручила ему маленькую записку.

– Позвони, когда будет время, – томно произнесла она.

Санек приосанился. Он не предполагал, что завоевание доверия получится таким кратковременным и эффективным.

– Как насчет вечера?

– Идет.

Несколько секунд спустя прекрасное видение скрылось за поворотом.

– Йес! – по-ребячески выкрикнул Дирол, сделав рукой характерный жест.

Водители ближайших автомобилей не вполне поняли, что показывает регулировщик и на всякий случай притормозили. Машина, идущая следом, впечаталась в зад впереди идущей. Но Дирол этого не заметил. Он с благоговением развернул записку и прочитал: «02, звонить в любое время суток».

– Черт! – выругался парень, безнадежно махнув рукой, за чем последовало еще два дорожно-транспортных происшествия.

* * *

Кулапудову достался самый ответственный пост – напротив банка «Зюзюкинск-Инвест». Ни для кого не секрет, что самые матерые преступники грабят именно банки, а следовательно, бдительность на вверенном Венке участке должна быть повышена вдвойне, а то и втройне.

Кулапудов очень старался. В первую очередь он тщательно изучал всех, кто входил в банк, а также кто из него выходил. Примечая всех подозрительных, Венка записывал приметы в маленький блокнотик, прихваченный из общежития специально для такого случая. Во-вторых, парень тщательно обследовал все близлежащие люки на предмет наличия в них нежелательного социального элемента, как то воров или банальных бомжей, желающих пожить. На счастье, в подземной части города все на первый взгляд обстояло благополучно.

«Но враг не дремлет. Он либо спит, либо действует», – повторил про себя крылатую фразу полковника Подтяжкина курсант и бдительность не ослабил.

Венька буквально не спускал глаз с огромного здания банка, пока не услышал звон стекла. Звуки доносились с противоположной стороны проспекта.

Венька обернулся и машинально схватился за кобуру. У магазина со звучным названием «Сапоги, валенки, унты ведущих производителей мира» оказалась выбита витрина. Дело попало ограблением.

В два прыжка достигнув входа в магазин, курсант с секунду постоял у нее, собираясь с духом, вышиб ногою дверь и одним махом проник в просторное фойе.

– Никому не двигаться, – как можно громче выкрикнул он, нацеливая пистолет в просторный зал. – Руки вверх.

Оружие было учебное. Боевое курсанту третьего курса никто бы не дал. Но эффект неожиданности и грозный вид пистолета не позволит сразу догадаться о его характере преступному элементу, что поможет выиграть время.

Три продавца за стойками и несколько посетителей послушно подняли руки и стали ждать. Венька растерялся. Кто из них вор, с первого взгляда трудно было догадаться. Ни на одном из присутствующих не было черного чулка – обязательного атрибута грабителей.

– Г-гражданин н-начальник, по-п-позвольте мне покинуть вас, у меня т-талончик к зубному, – прошамкал маленький полный покупатель лет сорока-сорока пяти, с обмотанной большой щекой, и боком, осторожно сделал шаг к двери.

– Стоять на месте! – взревел Кулапудов.

Ему стало все предельно ясно. Преступник сам себя выдал, начав разговор первым. Хотел по-тихому смотаться с места преступления. Не выйдет! Он-то, наверное, думал, что Кулапудов ничего не понял. Кулапудов все понял! Повязка эта на щеке липовая, сделанная ради маскировки. Голос изменен до заикания специально, на тот случай, если у Веньки записывающее устройство в кармане. А маленький рост... маленький рост... Да просто, чтобы казаться незаметным.

Венька моментально раскусил главу шайки, но арестовывать его сразу не стал. У Заики – как сразу же окрестил его курсант – должны были оставаться в здании сообщники, и их предстояло вычислить.

– Мама, мне надо пи-пи.

«Этот? – мысленно спросил себя Кулапудов, окидывая взглядом ребенка лет семи, который настойчиво теребил подол матери. – Вряд ли. Он безоружен».

Тогда кто?

«Логика, дети мои, главное оружие следователя, – говорил на занятиях по криминалистике капитан Мочиллов. – В самых безвыходных ситуациях она вам поможет». «Тонкий психолог по незначительным деталям способен отличить обыкновенного обывателя от преступника», – вспомнились лекции лейтенанта Смурного. И Венька решил воспользоваться советами учителей.

– Всем выйти из-за стеллажей и построиться в шеренгу, – приказал он.

Покупатели и продавцы неохотно последовали в центр зала и выстроились.

– Три продавца и четверо покупателей, не считая ребенка, из них один симулянт с большим зубом и беременная женщина, – вполголоса посчитал курсант. – Неплохо.

У беременной вполне мог оказаться накладной живот, в котором спрятаны взрывчатка, автоматы и загранпаспорта всех участников злостного нападения.

– Позвольте заметить, что я все-таки не могу терпеть, – пожаловался глава шайки и Заика в одном лице.

– Тогда не терпите.

– Хорошо, – согласился грабитель, свалился на пол и, скорчившись, застонал.

Мужчина в новеньких валенках, около которого упал Заика, чуть отодвинулся в сторону, мелькнув белой этикеткой на голенищах.

– Так-так, – понимающе протянул Кулапудов, делая вполне логический вывод: преступники решили прихватить с собой не только всю выручку за день, но и унести на себе товар. Неплохо продумано.

Три преступника были найдены. Стандартный состав шайки, занимающейся грабежом магазинов. Можно было производить задержание.

– Что? Магазин закрыт? – послышался голос нового посетителя, вошедшего только что в дверь.

– По техническим причинам, – хором ответили продавцы.

Венька подозрительно прищурился и подошел ближе к работникам торговли.

– Почему такое единодушие? По какой причине вы не позволяете потенциальному покупателю войти в «Сапоги, валенки, унты ведущих производителей мира», когда от посещаемости зависит ваша непосредственная прибыль?

Продавцы шумно проглотили слюну и ничего не ответили. Становилось ясно, что грабители действовали в преступном сговоре с кассиром и консультантами. Число преступников росло и ширилось, как на дрожжах.

– Мама, я сейчас сделаю лужу.

А эту парочку наняли для отвлечения внимания.

– Встать в строй! – скомандовал Венька вновь пришедшему, правильно рассчитав: где восемь преступников, там и для девятого место найдется.

– А сейчас я зачитаю вам ваши права.

Неожиданное событие заставило Кулапудова на минуту замолчать. В здании погас свет. Полумрак завладел комнатой, смешав все карты курсанту Высшей школы милиции и дав фору преступному элементу. Венька понял, что промедление может оказаться роковой ошибкой, и дал предупредительный выстрел в воздух.

* * *

Федя был обижен на всех и вся. Ему досталась никому не интересная окраина, где жили одни старики и старушки в частных домишках. Естественно, если они в молодости и нарушали закон, то к началу двадцать первого века ушли на пенсию по состоянию здоровья. В семьдесят лет не залезешь в форточку на девятом этаже, чтобы ограбить квартиру.

На улицах было пустынно, ухабисто и грязно. Лишь тощие нервные курицы оживляли пейзаж, перебегая время от времени через дорогу, да дворняги за заборами сообщали о своем существовании истеричным лаем. Феде было скучно, но не долго. На втором часу патрулирования парень заметил движение в одном из дворов, а также шум и подозрительные крики. Где-то явно происходил скандал, возможно с рукоприкладством. Ганга решительно одернул форменную рубашку. Он твердо решил не допускать беспорядков на своем участке, а потому, печатая шаг, направился в сторону беспокойного двора.

– А-а-а, в кои-то веки милиция пришла вовремя, – протянула пожилая женщина склочного вида с некрасиво выбившейся из пучка волос облезлой прядью. – Где это видано?

Ганга деловито прошел во двор и, остановившись, оценил обстановку. Помимо склочной дамы, среди многочисленной рухляди, обильно разбросанной по двору, стоял виновато моргавший маленький мужичок с куриной лапкой в руке.

– Товарищ лейтенант, – повысила Федю в звании хозяйка дома, – вы как нельзя кстати. Подойдите ближе, я буду с вами беседовать.

Хотя тон был приказной, а слова не вполне корректные, Ганга почему-то не обиделся. Он послушно проследовал к спорящим.

– Ближе, – властно придвинула его за рукав женщина. – Митя, дай лапку. Вот! Что это такое, скажите на милость?

Она торжественно протянула куриную конечность и ткнула ею в нос курсанту. Федя удивленно приподнял бровь.

– Часть тела курицы, нижняя ее конечность, в простонародье называемая лапкой или ножкой, – пояснил парень.

– Нет, вы посмотрите, он издевается надо мной. Ратуйте меня, бабоньки, ратуйте!

Федя пошарил глазами по сторонам, в надежде найти тех, кому следовало произвести непонятное действие «ратуйте». Ни одной особи женского пола, не считая пацифисток кур, в поле зрения не появлялось. Себя и того самого Митю, который продолжал виновато хлопать глазами на жену, Ганга к «бабонькам» причислить не мог.

– Я спрашиваю, почему от моей лучшей несущки остался только набор для холодца? А?

Федя с надеждой посмотрел на Митю, ожидая в его глазах найти ответ на поставленный вопрос. «Что с ними, с бабами, сделаешь», – безнадежно пожаловались глаза того и обреченно прикрылись ресницами. Курсант понял, что отвечать снова придется ему.

– Возможно, вы слишком много мяса едите, – предположил Ганга.

– Кто? Я? – возмутилась женщина. – Митя, что ты молчишь, когда твою жену оскорбляют?

– Ну, дорогая, возможно гражданин милиционер не вполне тебя понимает...

– Я так и знала, что ничего умного ты сказать не сможешь.

Она решительно закатала широкие рукава потертого фланелевого халата. Митя непроизвольно вжал голову в плечи, а у Феди мелькнула мысль, что сейчас его будут бить. Парень заранее пожалел себя. Однако дело разрешилось мирным путем.

– Это, – потрясла куриной лапкой над головой склочная дама, – украденная лапка.

Федя потихоньку начал понимать, в чем собственно состояла проблема. Парень достал из кармана блокнот, ручку, мгновенно посуровел и приготовился записывать.

– Где, когда и при каких обстоятельствах вы похитили продукт питания, именуемый куриной лапкой? Кто является потерпевшим? Действовали ли вы одни или в створе с другими преступниками?

С каждым хлестким вопросом, режущим прямо в глаз, женщина все ниже приседала на подгибающихся ногах, как рыба хватая ртом воздух.

– Вы можете не отвечать на вопросы, можете требовать адвокатов, но помните – добровольное признание уменьшает вашу вину и смягчает степень наказания.

Тетушка шлепнулась на перевернутый вверх дном тазик, который по счастливой случайности оказался у нее под ногами, и в голос запричитала:

– Ой, и да за что ж я такая горемычная-я-я! Ой, да и кто ж меня пожалеет сиротинушку-у-у! Да до чего ж власти нынче стали неговорчивые-е-е, все денег им подавай, взятку всучи-и-и! А где же бедной женщине взять такие деньжищи-и? Когда дети не кормлены, для внуков садик не оплачен, Мефодиевне, злыдне поганой, долг не вороче-е-ен!

– Говорите, пожалуйста, помедленнее, я не успеваю записывать, – попросил Ганга.

– Неужто заметишь, начальник? – внезапно успокоившись, спросила хозяйка дома.

– Как суд решит.

Новый взрыв причитаний наполнил округу. Вокруг двора стали собираться люди. Это на первый взгляд кажется, что в частном секторе практически никого не осталось и люди там словно динозавры вымерли. Но случись беда или другое какое занимательное событие, как народу соберется столько, сколько не мечтал видеть сам Басков на своих концертах. Словно грибы после дождя, из-за забора повысовывались головы многочисленных любопытствующих. У истории с курицей случился настоящий аншлаг.

– Чавой-то тама? Чаво? – спрашивал седой как лунь житель города Зюзюкинска, прикладывая к уху допотопный слуховой аппарат раструбом.

– Алевтина-то, Яковлевна наша, в преступники подалась. Зарезала кого, иль ограбила по-крупному. А может, и то и другое.

– За ней станет. Помните, как по прошлому году она у меня трешку в долг заняла, да так и не вернула.

– А у меня банку трехлитровую брала, целую, почти новую совсем. А вернула с лопиной. Вот, ей-богу, не вру, с лопиной во-от такой!

Зрители немного смутили Федора Гангу, но, с другой стороны, они прибавляли ответственности его поступкам. К тому же за понятиями, в случае чего, далеко ходить не надо будет.

– Ты, того, начальник, шибко на нее не ори, – скромно попросил Митя. – Нервная она у меня шибко, вот и голосит, будто в оперном театре. А ножку эту не она украла. Здесь ее вины ни грамма нет.

– Выходит, ваша Алевтина Яковлевна скупщик краденого? – догадался Федя.

– Вот это не знаю. Не могу сказать, потому как к вранью не приученный. На рынок ходит и покупает там чего не попадая, а краденое это или нет, на нем же не написано. Только лапку эту никто не покупал. Я ее нашел на улице, у соседского двора.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Так тут и понимать нечего, гражданин хороший. Курочка у нас с Алевтиной была.

– Особые приметы?

– Да какие особые приметы! Пестрая она и клюв желтый, как у всех курей в округе.

– И коготка, коготка на правой лапке не хватало, – вставила женщина.

– Вас, Алевтина Яковлевна, я отдельно допрашивать буду.

– И везде-то нашего брата, женщину, притесняют мужики проклятые-е. Очереди на допросах устанавливают не по справедливости, а по половому признаку-у-у! – продолжила свою песню Яковлевна.

– Попрошу вас временно замолчать, гражданка. Вы мешаєте следствию.

Алевтина мгновенно закрыла рот, словно только что и не причитала о безудержном горе.

– Суровый начальник. Серьезный, – уважительно донеслось из-за забора.

– Ага! Несмотря, что молодой, да еще и иностранец. Враз какого нарушителя на чистую воду выведет.

Федя откашлялся, скрывая возникшее смущение.

– Итак, – обратился он к Мите, – вы утверждаете, что нашли улику преступления у двора вашей соседки?

– В аккурат верно.

– Кто-нибудь видел, как вы подобрали часть от расчлененного трупа?

– Ах! – разом выдохнули зрители, среди которых вполголоса понеслась новая весть, обрастая различными дополнительными фактами.

– Неужто маньяк в наших краях появился?

– Вот и сюда докатилась цивилизация, туды-т ее в качель!

– Всех режет, под чистую. А особенно любит детей малых...

– Около школ да садов ясельных обитает, антихрист. Там выслеживает себе жертву.

– И как начнет рубить на клочки мелкие! Только успевай глаза закрывать, чтобы брызги не попали. Видать, мясником раньше работал...

– Чего ж это творится, люди добрые?! Как жить теперь? Как?

Риторический вопрос завис в воздухе, заставив людей крепко призадуматься. Митя почесал за ухом и сознался:

– Почитай все, кто здесь находится, и видели. Не считая вас, конечно.

– Почему это вы меня не берете в расчет? – обиделся Федя.

– Новенький вы у нас. Всех наших обычаев не знаете.

Федя призадумался.

– Хорошо. Назовите поименно всех свидетелей. Опишите местонахождение каждого из них в тот момент, когда была найдена улика.

– Всех назвать не могу, потому как не видел ни одного. А это ваше местонахождение запросто скажу. У окошка в доме своем каждый сидел и на улицу посматривал. Где чего происходит, кто к кому в гости приходит, кто чего делает – все примечается и фиксируется в мозгу у каждого.

– Что же и совершение преступления народ видел? – удивился Федя.

– А то!

– И преступника могут опознать в лицо?

– Могут, но не опознают.

– Почему?

– Традиция такая – ничего менту не говорить.

Федя озадаченно сел на маленькую скамеечку грязно-серого цвета. Что-то не состыковывалось в его голове. Преступление было налицо, преступник тоже вроде как намечался, но что за преступление, кто именно преступник и в чем именно ущемили пострадавшую, оставалось загадкой.

– Да ты не горюй, сынок, – сжалился Митя. – Я тебе сам расскажу, кто нашу курицу зарезал. Мефодиевна это, соседка наша. Вон ее двор.

– И я о чем говорю, – не вынесла долгого молчания Алевтина Яковлевна. – Надобно к ней пойти и все сказать как на духу. Мол, гони нам курицу, такую же несущку, али деньгами компенсировай. Понимать надо, несущка все ж таки!

Федя сам не заметил, как оказался крепко подхваченным под руки Митей и Алевтиной и отведен к дому соседки, злостной похитительницы курей. Домишко ее был небольшого размера, давно не ремонтировался, забор и двор пришли в запустение. Среди молодых весенних побегов более всего расплодилось под окнами молодая крапивка, буйно зеленея и забивая мирную мураву. Калитка запиралась на один лишь хлипкий засов, который легко открывался, если перекинуть руку через низенький забор. Внутри, в самом дворе, в выдавший виды пенек было воткнуто орудие преступления.

– У-гу, – понимающе промычал Федя и подошел ближе.

Вокруг пенька трава была вытоптана до серого чернозема, на котором виднелись характерные бурые пятна. Пенек был также отмечен нужного цвета пятном. Казалось, дело с убийством курицы было раскрыто. Оставалось только отправить кровь на экспертизу, снять отпечатки когтей с вещдока, то есть с найденной лапки, и со спокойной душой закрыть дело. Федя осторожно отковырнул ножиком щепку с пенька, испачканную в крови.

– Пакет полиэтиленовый у кого-нибудь есть? – спросил он.

Зрительный зал предупредительно зашуршал. Через пару минут в сторону гражданина начальника было протянуто около пятидесяти разных пакетов: свежих и использованных, чистых и с крошками хлеба, целых и с завязанными узелком дырками.

– Чего это к моему пеньку паломничество такое? Никак он вам чем понравился? – донеслось с крыльца дома.

Без сомнения, это была сама преступница, взволнованная тем, что место совершения преступления раскрыто, причем у нее же во дворе.

Федя оторвал взгляд от вещдоков и сурово посмотрел в ту сторону, откуда доносился голос. Щепка, пропитанная кровью, сама выпала из правой руки, а орудие преступления – топор, – скатапультировав из правой, гулко стукнулся о ногу.

– Ить, чего-то я плохо видеть стала. Никак бусурманин с набережной? Стало быть, судьба нас сводит с тобой, сокол ты мой сизокрылый.

* * *

– Мой мачо, ты меня нашел, – ласково пропела обладательница кабриолета «Победа» и в мгновение ока оказалась около Пешкодралова.

Кот угрожающе вздыбил шерсть и пустил пару искр прямо на новенькую Лехину форму. Две небольших дырочки навсегда остались на память курсанту о злейшем его враге, пострадавшем, но не побежденном.

– Есть предложение поехать к тебе домой, – горячо зашептала на ухо женщина. – Как глупо, я до сих пор не знаю твоего имени. Не говори мне его, – она резким движением прикрыла Лехе рот ладонью. – Не говори. Пусть это остается загадкой. Так пикантнее. Ты навсегда останешься моим мачо, а я буду твоей скромной незнакомкой.

Незнакомка с неожиданной силой схватила парня за рукав и настойчиво потянула:

– Пойдем же, мой тигр, твоя тигрица соскучилась по дикой безудержной охоте.

– Я на работе, – твердо заявил Леха.

Незнакомка хихикнула в кулачок:

– Мы пить не будем.

– Но как же... – Леха показал широким жестом на дорогу, имея в виду, что он не может оставить пост, не дождавшись смены.

Женщина поняла жест парня по-своему, истолковав его в довольно вольной интерпретации.

– Сейчас все сделаем. Быстренько управимся и сдадим объект как самый образцовый и не нуждающийся в какой-либо охране, – успокоила незнакомка Пешкодралова.

Леха не успел опомниться, как она выскочила на середину дороги и стала «разруливать» ситуацию с пробкой.

– Сюда, пожалуйста, правая сторона пропускает левую. Ой, подождите! Вот тут такой премиленький белый «Пежо» подъехал. Его в первую очередь... Ничего не случится, если левые подождут. На то они и левые... Хам! Он смеет мне нецензурно сигналить!..

Труды прекрасной и скромной незнакомки не то чтобы увенчались успехом, но имели несомненный результат. Пробка, образовавшаяся отчасти по вине Пешкодралова, разрасталась с головокружительной быстротой. Женщина почувствовала себя в своей тарелке и командовала направо и налево. Требовалось срочное вмешательство человека благоразумного, иначе затор обещал принять масштабы катастрофические.

Леха дернулся вперед, на исправление искусственно созданного бедствия, но страшный зверь преградил ему дорогу. Острые клыки холодно блеснули в черной пасти, а лысая спина изогнулась дугой.

Кот прекрасно помнил обиды, нанесенные ему. Помнил и вынашивал коварные планы мести. Пешкодралову он не мог простить позорное падение с крыши третьего этажа, а также жалкий свой вид. Это же кошкам на смех, до чего он стал потрепан! Черная кошачья лапа многообещающе пробуравила асфальт, оставив в нем четыре глубокие царапины. У Лехи пробежали мурашки по спине.

– Ты будешь отвечать за нападение на служителя порядка, находящегося при исполнении, – предупредил курсант.

Но зверю было хоть бы что.

Он зло усмехнулся и ринулся в бой.

До чего могут быть быстры человеческие ноги, Леха понял лишь в то замечательное утро, когда ему посчастливилось впервые патрулировать улицы родного города. Он бежал лихо, с азартом. Мысли о самообороне таяли, лишь только парень встречался взглядом со злыми желтыми глазами кота. А потому Пешкодралов просто бежал, стараясь ни о чем не думать. Скром-

ная незнакомка, увлеченная новой своей забавой, нисколько не заметила исчезновения двух особей мужского пола, в которых она души, можно сказать, не чаяла. Она продолжала с воодушевлением раздавать команды на дороге, запутав всех водителей окончательно.

Леха бежал куда глаза глядят. Кот воспользовался этим и стал загонять противника в угол, направляя его движение в ту сторону, которая была ему удобна. Если бы старик Дарвин оказался свидетелем этой немой сцены, он бы, без сомнения, свою теорию построил на эволюции человекообразных котов, со временем оглупевших и трансформировавшихся в человека, а не на эволюции каких-то недоразвитых обезьян.

Кот вел игру целенаправленно, продуманно. Он загнал человека в узкий тупик с многочисленными гаражами, направил его прямо в сторону открытого люка и... благополучно проводил Леху взглядом до самого дна городской канализации. Громкое: «А-а-а-а!» – нисколько не разжалобило жестокое животное. Убедившись в том, что противник попал по назначению, кот сделал несколько закапывающих движений, напустивших пыли в люк, и гордо удалился.

* * *

Хромой направился в сторону парка Первой учительницы, скинхед облюбовал улицу Последнего героя, а беспризорник вообще отправился на остановку «Очередного трамвая» и остался на ней чего-то ждать. Братья-курсанты изо всех сил обмахивались фуражками, что означало только одно: «Как быть дальше?»

Выход из ситуации нашел Антон. Он подцепил сидевшего на углу бича под руку и, многозначительно подмигнув, предложил:

– Хочешь подработать?

Бомж с радостью согласился.

– Видишь того отморозка на остановке? Не спускай с него глаз, пока мы не вернемся, и получишь законный полтинник.

Бич просиял с такой наивной радостью, как будто ему только что предложили виллу на Канарах с прислугой, яхтой, девочками. Антон сунул пятьдесят рублей в его грязную руку и покрутился вокруг себя три раза. «Ты идешь за хромым, я беру на себя лысого», – говорило это движение.

Братья быстро рассортировались на предмет слежки и оставили посты ради более важных свершений. Как только они скрылись за углом, бич подошел к подростку.

– Кончай работу, я уже на две полторки самогончику набрал. Пойдем завтракать.

Пацан хрипло буркнул что-то в ответ и один из подозреваемых вместе с коварным типом скрылся в неизвестном направлении, на этот раз по счастливой случайности избежав наказания.

* * *

Санек в сердцах скомкал записку и бросил ее на тротуар. Водители совсем запутались в том, что показывает им регулировщик, и поехали все разом, что создало давку и крайне неприятную ситуацию со множеством аварий.

– Меня еще никто так не обувал, – произнес Зубоскалин и побежал вслед исчезнувшей гражданке с оригинальным чувством юмора.

Он уносился, влекомый крыльями внезапно возникшей, а оттого прекрасно-возвышенной любви. Мир вокруг перестал существовать. Перед глазами стояла только Она, а за спиной раздавались крепкие словечки нервных, далеких от великого и вечного автолюбителей.

* * *

Темнота овладела зданием неожиданно, спутав все карты Вениамину. Мгновение Кулапудов не видел ничего, пока глаза не привыкли к полумраку. Но за это время непростительная паника сумела овладеть им с головы до ног, заставив открыть огонь по преступникам наугад. Звуки выстрелов эхом раскатились по большому помещению. Беременная дама, охнув, стала оседать на пол, а ребенок слабовольно заплакал. Скорый топот, удаляющийся к двери, возвестил о том, что кому-то удалось вырваться из зоны огня и уйти ненаказанным. Скорее всего, это был главарь шайки – самый опытный среди сообщников.

– Милиция-я! – закричал уже на улице главарь, успешно маскируясь под потерпевшего.

– Стоять на месте! – теряя самообладание, слишком громко воскликнул Кулапудов. – При малейшем движении открываю огонь на поражение!

Двигаться никто и не собирался. Только девушка со взрывчаткой, автоматами и заграничными паспортами в накладном животе все ниже спускалась и, наконец, села прямо на бетонный пол.

– Мне кажется, я сейчас рожу, – слабым голосом сказала она и крикнула совершенно натурально, совсем как в мексиканских телесериалах.

Венька выронил из рук пистолет.

– Ваша игра похожа на дешевый спектакль, – в последней надежде попытался выказать недоверие Кулапудов.

– Ой, это схватки. Нам в женской консультации на лекциях о них говорили, – внезапно запекшимися губами выдавила из себя роженица. – А!

Не будь этого «А!», Венька ни за что бы не поверил в разыгравшуюся сцену. Но «А!» прозвучало очень убедительно.

– Врачи в этой комнате есть? – осведомился парень, подскочив к будущей мамаше.

– Нет, – хором ответили задержанные.

Ничего не оставалось делать, как принять огонь на себя. Хотя Венька довольно расплывчато представлял себе весь процесс родов, но несколько серий из фильмов «Санта-Барбара» и «Поющие в терновнике» он все-таки помнил. Там обязательно просили чистые бинты и настоятельно советовали тужиться.

– Один бежит звонить в «Скорую», второй ищет чистые тряпки, третий помогает тужиться роженице, – раздал приказания курсант, уложив удобнее женщину на полу.

– Мам, ну хватит меня тащить домой. Тут самое интересное начинается, – успокоился семилетний преступник. – Можно я буду сидеть тихо и никому не мешать?

Девушка тяжело дышала, высоко вздымая и опуская огромный живот. В темноте казалось, что это сказочный дракон спит в своем лежбище в неприступных скалах. Вене принесли белые лоскуты, а внезапно оказавшийся под боком Заика протянул что-то маленькое в ладони.

– В-вот. У м-меня есть а-а-анальгин. Я его на з-з-зуб к-кладу. М-может снять боль, – заискивающе предложил он.

– Сколько? – не теряя ни минуты, кратко спросил Веня.

– П-пол п-пузырька.

– Давайте все.

– И еще валерианка в таблетках, чтобы не волноваться.

Минуту спустя преступница, производящая на свет малолетнего отпрыска, была настолько накачана таблетками, что ни одного стога не вырывалось из ее груди.

– Гражданка, вам следует тужиться, – советовал Кулапудов, видя, что дело продвигается в рекордные сроки. – Попытайтесь это сделать, хотя бы ради будущего ребенка.

Однако роженица, приведенная таблетками в состояние абсолютной апатии, просьбам новоиспеченного акушера не поддавалась.

– В-возможно, ей нужно п-показать, к-как это д-делается? – предположил Заика. – К-как в с-случаях с домашними ж-животными.

Зерно логики в его рассуждениях было. Долго не раздумывая, курсант лег рядом с пациенткой и заорал изо всех своих мужицких сил, напрягая мышцы низа живота. Надо признать, что акустика в здании магазина была отменная. Крик разнесся по всему залу, многократно усиленный эхом. Оставшиеся в целости стекла задрожали, а с верхнего стеллажа свалилось несколько валенок и отличная пара унт. Мамаша любопытного ребенка сразу же хлопнулась в обморок. Мальчик выбежал на улицу, не досмотрев окончания интересного представления, у Заики перестал болеть больной зуб... Роженица лениво зевнула и прикрыла глаза в сонной истоме.

– Ну не вытаскивать же мне его руками, – чуть не плача пожаловался Венька.

– А если нажать на живот? – подкинул новую идею главарь шайки.

Веня посмотрел на него, на будущую маму, закатал рукава и приготовился к самому ответственному моменту в принятии родов – выдавливанию плода из утробы матери.

* * *

У парка Первой учительницы хромой остановился и присел на скамейку у фонтана.

– Пришел на место встречи, – правильно догадался Андрей.

Он встал у широкого ствола чуть зеленеющего дуба и постарался слиться с деревом в единое целое. Хромой запустил руку за пазуху старенького демисезонного пальто. Курсант внутренне собрался, готовый при первой необходимости выскочить и вырвать из рук иностранного шпиона огнестрельное оружие. Хромой долго копался за пазухой, испытывая терпение Утконесова. Минуты словно прекратили свой бег, замерев, как сознательный курсант у ствола векового дуба. Наконец рука вынырнула наружу с... коркой белого хлеба.

– Запечен в нем напильник или это условный знак для того, с кем назначена встреча?

Андрей тем отличался от Антона, что любил проговаривать все свои мысли вполголоса. Это помогало сосредоточиться.

Подозреваемый разломил хлеб пополам и стал крошить его прямо на тротуар. Мгновенно под ноги гражданина с тросточкой налетела целая стайка воробьев и пара степенных голубей. Воробьи шумно дрались и не боялись приближаться к самой скамейке, на которой находился человек. Голуби же действовали более разумно и осмотрительно, подбирая вожака корм на безопасном расстоянии.

– Возможно, он ожидает почту или хочет сам передать письмо с голубиной службой, – размышлял курсант.

Когда весь хлеб был искрошен, шпион откинулся на спинку скамейки и, заложив ладони за голову, блаженно зажмурился, подставив лицо солнцу. Андрей растерялся. В чем состояла цель посещения парка преступным элементом, становилось совершенно непонятным. Андрей сначала очень внимательно следил за каждым движением находящегося под слежкой объекта, но когда движения практически прекратились, парень стал терять бдительность и банально засыпать. К тому располагала умиротворяющая природа, ласковое солнце, щебет птиц в кроне столетнего дуба, светлая, чистая радость бультерьера, весело несущегося именно к тому дереву, которое облюбовал Андрей. Бультерьер заливисто лаял, обнажая солидных размеров клыки, и тяжело смотрел на курсанта. Все это нравилось Утконесову. Он удобнее облокотился о ствол и сладко прикрыл глаза.

* * *

Антону же расслабиться не удалось. Начать с того, что скинхед развил скорость движения умопомрачительную. Обладая высоким ростом, представитель неформальной организации широко шагал вдоль улиц города, преодолевая расстояния, равные одному кварталу, в рекордно короткие сроки. Утконесову, чтобы за ним успевать, приходилось время от времени переходить на короткие перебежки. В связи с этим парню совсем некогда было смотреть себе под ноги, отчего он часто спотыкался и сталкивался со встречными прохожими. Однако скорости он не терял и от цели своей не отказывался.

Утконесов сначала пытался запомнить весь маршрут, по которому следовал преступник, но тот был так запутан, что где-то на пятнадцатой по счету улице парень запутался. Создавалось впечатление, что скинхед специально петляет, чтобы замести следы и оторваться от возможной слежки. Вероятно, он ее уже и заметил.

Лысый парень неожиданно повернул за очередной угол, на несколько минут скрывшись из поля зрения Антона. Надолго оставлять его без внимания не следовало, и курсант побежал. Словно чувствовало сердце, что случится что-то неладное. Так оно и вышло.

За углом оказался глухой дворик с песочницей, парой убогих скамеек и почему-то не закрытым люком. Во дворе никого не было. Преследуемый скрылся в неизвестном направлении.

– Перехитрил, зараза! – в сердцах выругался Утконесов.

Он посчитал подъезды – девять. В каждом около пятидесяти квартир. За какой срок можно обойти сто квартир? И где гарантия того, что в доме нет черного входа? А кто поручится, что все жильцы с радостью расскажут о составе своей семьи неизвестному милиционеру? Без сомнения, они скроют наличие в своей квартире представителя полулегальной группировки. Оставалось только ждать, когда скин сам выйдет во двор.

Антон тяжело вздохнул – сколько времени терялось при их с Андреем напряженном графике! Он прошел к одной из скамеек и с задумчивым лицом сел на нее. Шум над головой заставил парня отвлечься от своих мыслей и посмотреть вверх.

На девятом этаже, зависнув на водосточной трубе, проходящей около самого балкона, висел человек в одних подштанниках и со страхом поглядывал вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.